U 55
285

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
подъ редакціей С. М. Проппера.

V 55
Д 85

Петрашевцы и ихъ время.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная, д. № 40.
1907.

33
285

Петрашевцы
и ихъ время.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
подъ редакціей
С. М. Проппера.

3/VIII-33

ПУБЛИЧ. И РУМЯНЦОВ. МУЗЕИ
БИБЛІО-
ТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

2007051449

I

Судьба конституціонныхъ предположеній Сперанскаго и Мордвинова.—Письмо Паррота.—Учрежденіе третьяго отдѣленія и корпуса жандармовъ.—Мысли Батенькова.—Бенкендорфъ.—Первый сыщикъ Шервудъ-Вѣрный.

Процессъ декабристовъ закончился. Связанный невидимыми нитями съ Петербургомъ, а черезъ посредство столицы и со всей Россіей, Зимній дворецъ повѣдалъ русскому народу тайны новаго самодержца. Если въ началѣ процесса „свѣдѣнія изъ дворца“ еще вселяли тому или другому надежду на какое-нибудь представительство народа въ управленіи страной, то поворотъ, данный дѣлу царственнымъ судьей, разбилъ и послѣднія иллюзіи: Николай Павловичъ избралъ свой путь. Онъ рѣшилъ не допустить и тѣни либеральныхъ мыслей, той тѣни, какая накидывала такой загадочный флеръ на все царство Александра Благословеннаго. Врагъ всякихъ попытокъ ограниченія самодержавія практически или даже идейно, Николай Павловичъ сразу заявилъ свое credo, credo неограниченнѣйшаго монарха.

Вступая на престолъ, Николай Павловичъ въ своемъ первомъ манифестѣ пригласилъ свой народъ вознести усиленныя мольбы къ Творцу вселенной: „да укрѣпитъ благія намѣренія наши жить единственно для любезнаго отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго нами государя, да будетъ царствованіе наше токмо продолженіемъ царствованія его и да испол-

нится все, чего для блага Россіи желалъ тотъ, коего священная память будетъ питать въ насъ и ревность, и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народовъ нашихъ".

Можно упрекать въ чемъ угодно царствованіе Николая I, но не въ томъ, что оно не исполнило обѣщанія и не было продолженіемъ внутренней политики, установившейся во вторую половину царствованія Александра I. Строго разсуждая, Николай I не внесъ ничего новаго въ систему управленія, но въ то время, какъ его предшественникъ, который, какъ извѣстно, „провелъ всю жизнь въ дорогѣ", являлся не вполнѣ отвѣтственнымъ за дѣйствія своего правительства, и общественное мнѣніе было расположено приписывать все зло, исходившее изъ Петербурга, его любимцамъ и прежде всего Аракчееву, у Николая I не было никакихъ фаворитовъ, облеченныхъ особыми полномочіями. За всю свою систему онъ желалъ быть отвѣтственъ передъ судомъ исторіи одинъ.

Александръ I иногда колебался, иногда искалъ новыхъ путей, вступалъ въ разговоры съ лицами, относившимися недружелюбно къ самодержавію, выслушивалъ ихъ мнѣнія, даже соглашался съ ихъ доводами, что, конечно, нисколько не мѣшало ему дѣйствовать по своему усмотрѣнію, не считаясь съ ними.

У Николая I послѣ рѣшенія, принятаго по дѣлу декабристовъ не было никакихъ колебаній. Для него не существовало ничего выше Карамзинской премудрости. Какія бы то ни было мнѣнія сторонниковъ конституціоннаго строя для него не существовали, такъ какъ даже подобный образъ мыслей онъ уже считалъ преступленіемъ.

Искренно или неискренно, но Сперанскій оставилъ при немъ свои мечты о преимуществахъ ограниченной монархіи и въ „Руководствѣ къ познанію законовъ" высказываетъ такія мысли:

„Слова „неограниченность власти“ означаютъ то, что никакая другая власть на землѣ, власть правильная и законная, ни внѣ, ни внутри Имперіи не можетъ положить предѣловъ верховной власти россійскаго самодержца. Но предѣлы власти, имъ самимъ постановленные, извнѣ—государственными договорами, внутри—словомъ императорскимъ, суть и должны быть для него непреложны и священны. Всякое право, слѣдовательно, и право самодержавное, потолику есть право, поколику оно основано на правдѣ. Тамъ, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается неправда, кончается право и начинается самовластіе. Ни въ какомъ случаѣ самодержецъ не подлежитъ суду человѣческому, но во всякихъ случаяхъ онъ подлежитъ, однако же, суду совѣсти и суду Божію“.

Конечно, достаточно представить себѣ могучую фигуру Николая Павловича въ томъ видѣ, какъ она обрисовалась въ исторіи всѣхъ толковъ и оттѣнковъ, чтобы понять всю безцѣльность попытки Сперанскаго подчинить какому бы то ни было регламенту волю русскаго самодержца. Николай I исповѣдывалъ только одну религію, и эта религія была принципъ не ограниченнаго ничѣмъ самодержавія. И если сравнивать Николая Павловича съ его прототипомъ—Людовикомъ XIV, то знаменитое изрѣченіе послѣдняго: „L'état c'est moi,“*)—несомнѣнно болѣе отвѣчаетъ русскому самодержцу, чѣмъ французскому королю. И попытку Сперанскаго можно себѣ объяснить исключительно желаніемъ перекинуть отъ самодержавія къ самодержавію подобіе какого-нибудь мостика.

„Основные законы — говоритъ далѣе Сперанскій, —изображаютъ порядокъ, коимъ власть верховная дѣйствуетъ въ законодательствѣ и въ правленіи, а какъ власть верховная не можетъ принадлежать,

---

*) «Государство, это—я».

какъ только лицу державному, то прежде всего основные законы опредѣляютъ порядокъ, коимъ лицо сіе облекается верховною властью, и означаютъ пространство его власти".

Еще нѣсколько дальше Сперанскій окончательно порываетъ со своими прежними взглядами эпохи Александра I-го и съ полнымъ сознаніемъ бросается въ объятія Карамзина и его крѣпостническихъ теорій. Правда, подъ угломъ зрѣнія науки, Сперанскій еще допускаетъ возможность участія народа и въ особенности участія аристократіи въ дѣлахъ государственныхъ. Но это только въ теоріи. На практикѣ онъ предпочитаетъ идиллію строжайшаго самодержавія.

Онъ пишетъ:

„Есть два рода свободы въ общежитіи: гражданская и политическая. Первая есть участье въ правѣ собственности, вторая—участье въ правѣ державномъ. Для аристократіи нужна и та, и другая, но для народа только первая, и если она постановлена на твердыхъ законахъ, укоренена во нравахъ и обычаяхъ, то благосостояніе его обезпечено. Народъ, даже и въ республикахъ, не можетъ быть самъ по себѣ законодателемъ. Тамъ, гдѣ существуетъ чистая форма монархическая, нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ, нѣтъ матеріальныхъ выгодъ для народа желать перейти въ форму смѣшанную (то есть, такую, гдѣ государь раздѣляетъ державную власть съ народомъ) даже и тогда, когда бы переходъ сей могъ быть совершенъ безъ потрясенія. Частныя пользы нѣкоторыхъ классовъ народа суть истинныя пользы всего народа и часто даже бываютъ имъ противоположны".

Впрочемъ, есть указаніе, что и въ Николаевскій періодъ своей дѣятельности Сперанскій, прежде чѣмъ броситься окончательно въ объятія Карамзинской философіи и взять на себя неблагодарную роль ея глоссатора, пытался еще разъ произвести нрав-

ственное вліяніе на императора и придворныя сферы, въ смыслѣ осуществленія нѣкоторыхъ правъ народному представительству. Въ 1826 г. появилась записка на французскомъ языкѣ о государственномъ совѣтѣ, составленная, какъ полагаютъ, Сперанскимъ. Онъ адресовалъ ее въ комитетъ, учрежденный Николаемъ I для разбора и пересмотра бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ Александра I. Комитету было вмѣнено въ обязанность изложить мнѣніе, „что предполагалось, что осталось, что осталось бы кончить, что нынѣ хорошо, что оставить и чѣмъ замѣнить".

Авторъ записки старается избѣжать всѣми силами упрека въ конституціонномъ образѣ мыслей, но, съ другой стороны, указываетъ на громадную отвѣтственность абсолютнаго монарха въ его управленіи государствомъ, выгодную его агентамъ и очень опасную для самого монарха. Большую долю отвѣтственности, какую несетъ государь передъ своимъ народомъ, могъ бы снять съ него государственный совѣтъ, разъ онъ превратился бы изъ придворнаго учрежденія въ публичное, законодательное установленіе. Съ этою цѣлью авторъ предлагалъ замѣнить членовъ государственнаго совѣта по назначенію выборными членами, пятую часть которыхъ избирали бы города и $^4/_5$—дворянство. Проектъ оговаривается, что выбранные сословіями члены совѣта—только совѣтники монарха по вопросамъ о народныхъ нуждахъ. Они зависимы отъ воли монарха, не обладаютъ законодательною властью, могутъ только предлагать вопросы общественнаго блага и безсильны повредить авторитету монарха. По мнѣнію автора, въ средѣ депутатовъ не можетъ даже никогда зародиться мысль о присвоеніи себѣ правъ законодательной власти и ниспроверженіи существующаго порядка, такъ какъ это противорѣчило бы проектированному устройству совѣта и было бы нелегальнымъ актомъ, который не могло бы одобрить пуб-

личное мнѣніе страны. Превращеніе выборнаго государственнаго совѣта въ учредительное собраніе, подобно генеральнымъ штатамъ 1789 г. во Франціи, невозможно. Проектъ ограничивалъ сферу компетенціи новаго совѣта областью народной промышленности, торговли, финансовъ, народнаго просвѣщенія и полиціи. Дипломатическія и военныя дѣла не подлежали его вѣдѣнію.

Но... всѣ ухищренія Сперанскаго разбились о твердыню, возведенную государемъ вокругъ своего принципа абсолютизма.

Самодержавіе Николая не пошло ни на какіе компромиссы и уступки, придуманные Сперанскимъ. Его записка была оставлена безъ послѣдствій.

Твердость и непреклонная воля Николая I произвели форменную революцію въ мысляхъ и во взглядахъ современниковъ. Результаты революціи въ духовномъ мірѣ Сперанскаго мы уже видѣли.

И „либеральный“ адмиралъ Мордвиновъ счелъ за благо отречься отъ прежнихъ воззрѣній. Въ обширной запискѣ, поданной императору, онъ говорилъ:

„Въ Россіи умствованіе и толки о конституціи происходили со стороны тѣхъ, кои, бывъ нѣсколько въ свѣтѣ и начитаны, полагали себя чрезвычайно умными, хотя и весьма далеко того не достигали, ибо, не имѣя никакихъ опытовъ, не умѣли ни мыслить здраво, ни судить о вещахъ глубоко, ниже примѣнить оныя къ обстоятельствамъ, образу мыслей, характеру жителей и мѣстному положенію“. Конституція въ такой обширной странѣ, какъ Россія, „образовала бы правленіе аристократическое, а изъ сего послѣдовала бы неминуемо анархія, разореніе общее и раздробленіе государства... ничего столь не вредно, какъ власть, данная аристократіи: они закона не любитъ или желаетъ быть выше закона, гдѣ же поселитъ и распространитъ свою власть, тамъ государство должно прійти къ паденію... Подтверждается опытомъ цѣлаго міра и черезъ многіе

вѣка, что ни одно великое государство не можетъ держаться, а еще менѣе быть сильнымъ и могущественнымъ, безъ сильной монархической, самодержавной власти".

Измѣна Сперанскаго, Мордвинова и массы др. дѣятелей не остановила всѣхъ. Нашлись люди, отстаивавшіе конституціонный образъ правленія даже при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. По странной иронiи судьбы стали защищать конституцію, то есть намекъ на нее тѣ, кто незадолго до того были ярыми врагами всякихъ конституціонныхъ попытокъ. Въ такомъ положеніи оказался единственный человѣкъ, пользовавшійся правомъ сообщать свои мнѣнія императору, какъ онъ дѣлалъ это по отношенію къ его предшественнику, дерптскій профессоръ Парротъ. Изъ яраго противника конституціоннаго образа правленія онъ сталъ его сторонникомъ и въ сентябрѣ 1830 г. писалъ Николаю I: „Вашъ народъ, по крайней мѣрѣ, дворянство, военные и гражданскіе чины, стремится къ представительному правленію. И время это пришло гораздо скорѣе, чѣмъ я думалъ.

„Умоляю васъ, Ваше Величество, во имя человѣчества и Вашей безопасности, предупредите тотъ моментъ, когда отъ васъ могутъ потребовать больше, чѣмъ Вы въ состояніи дать. Преобразуйте государственный совѣтъ... Вторымъ благодѣяніемъ была бы реформа министерствъ. Необходимо произвести революцію сверху, но постепенно и сообразно съ нравственными потребностями Вашего народа".

Николай Павловичъ воспользовался совѣтами ученаго по-своему: онъ предупредилъ народныя требованія, но прибѣгъ къ методу, изобрѣтенному въ свое время тоже прибалтійскимъ нѣмцемъ, — Бирономъ.

„Внѣ самодержавія нѣтъ спасенія" было объявлено чѣмъ-то вродѣ догмата религіи. Было воспрещено не только говорить, но даже и думать про-

тивное. Печатное слово было скована цензурою. Были созданы особыя учрежденія, обязанныя слѣдить за настроеніями общества, подслушивать его разговоры, стараться угадать его мысли: третье отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи и жандармскій корпусъ.

Какъ это ни странно, но идея учрежденія спеціальныхъ институтовъ для борьбы съ тайными обществами принадлежитъ одному изъ декабристовъ, Батенькову. Это было время, когда государь еще колебался въ выборѣ пути и очаровывалъ своей силой и своимъ умомъ арестованныхъ декабристовъ. Послѣ одного такого разговора съ Батеньковымъ, послѣдній писалъ въ своемъ признаніи „слѣдственному комитету“:

„Проѣзжая отъ Бронницъ къ Новгороду, я разсуждалъ о силѣ тайныхъ обществъ, увѣрился, что это—ужасное средство атаки на правительства и что они не изобрѣли еще противъ сихъ минъ достаточныхъ средствъ. Мнѣ казалось, что контръ-мины могутъ состоять только въ таковыхъ же обществахъ, и начертилъ планъ ихъ администраціи... Я сдѣлалъ свой планъ атакующаго общества, полагая дать ему четыре отрасли: 1) дѣловую, которая бы собирала свѣдѣнія, управляла и вѣдала дѣла членовъ, 2) ученую, которая бы вообще дѣйствовала на нравы, 3) служебную, которая бы съ пособіемъ капиталовъ общества разсыпана была по государству, утверждала основаніе управленія, состояла бы изъ лицъ отличнѣйшей въ дѣлахъ честности, кои бы, занимая явно гражданскія должности, тайно, по даннымъ наказамъ, отправляли и тѣ обязанности, кои будутъ на нихъ лежать въ новомъ порядкѣ и у фанатиковъ, болѣе для того, что лучше имѣть ихъ съ собою, нежели противъ себя“.

Какъ извѣстно, Николай I относился съ большимъ вниманіемъ къ мнѣніямъ декабристовъ о язвахъ тогдашняго строя и главнѣйшихъ народныхъ ну-

ждахъ. По его приказу, чиновникъ Воровковъ составилъ весьма обстоятельный сводъ мнѣній декабристовъ. Николай изучалъ этотъ рефератъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что многими изъ указаній онъ, хотя и весьма своеобразно, но воспользовался.

Первый главный начальникъ третьяго отдѣленія и шефъ жандармовъ Бенкендорфъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что событія 14 декабря убѣдили въ необходимости повсемѣстнаго болѣе бдительнаго надзора, объединеннаго въ одной высшей инстанціи. Онъ долженъ былъ „покровительствовать угнетеннымъ“ и наблюдать за злоумышленниками и „людьми, къ нимъ склонными. Число послѣднихъ возросло до ужасной степени съ тѣхъ поръ, какъ множество искателей приключеній занесли въ Россію мысли своего революціоннаго отечества, а еще болѣе со времени послѣдней войны, когда русскіе познакомились съ либеральными идеями тѣхъ странъ Европы, куда заводили насъ наши побѣды“. Было рѣшено устроить корпусъ жандармовъ съ раздѣленіемъ Россіи на 7 округовъ, „назначивъ въ каждый по генералу“, и въ то же время— 3-е отдѣленіе, какъ средоточіе новаго управленія и высшей секретной полиціи, которая „въ лицѣ тайныхъ агентовъ должна была помогать и способствовать дѣйствіямъ жандармовъ“.

„Мнѣ удалось“, заканчиваетъ Бенкендорфъ свои воспоминанія, „дѣлать добро, оказать многимъ одолженіе, открыть много злоупотребленій и въ особенности предупредить и отвратить много зла“.

Новая организація стояла неусыпно на стражѣ и располагала всѣми средствами къ тому, чтобы задушить въ самомъ зародышѣ всякій умыселъ враговъ существующаго порядка. Она должна была знать, что затѣвается въ обществѣ, о чемъ размышляютъ его представители, къ чему стремятся они. Все это должны были изучать агенты новаго учрежденія, разбросанные по всей Россіи.

Въ новомъ учрежденіи пристроился на хорошемъ окладѣ бывшій унтеръ-офицеръ, прославившійся доносами на декабристовъ, Шервудъ. Хотя, въ сущности, онъ ничего не открылъ, ничего не предупредилъ, но Николай I награждалъ самую преданность. За свой подвигъ по дѣлу декабристовъ онъ былъ произведенъ въ поручики, получилъ дворянство.

Самъ императоръ придумалъ для него гербъ: руку съ поднятымъ къ небу перстомъ. Фамилія Шервуда, сына какого-то мастерового, англичанина по происхожденію, была перемѣнена изъ просто Шервуда въ Шервуда-Вѣрнаго. Впрочемъ, агентъ третьяго отдѣленія, командируемый съ особыми порученіями въ разные концы Россіи, не стяжалъ даже славы выдающагося сыщика: онъ дослужился только до чина подполковника и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, пользуясь надлежащимъ почетомъ и благосостояніемъ.

Попытки къ учрежденію чего-то вродѣ третьяго отдѣленія существовали, конечно, и раньше. Даж при Александрѣ I былъ учрежденъ „комитетъ 13 января 1826 г.," но онъ не былъ обезпеченъ надлежащимъ образомъ ни средствами, ни соотвѣтственнымъ персоналомъ. Онъ былъ упраздненъ немедленно послѣ образованія новыхъ институтовъ.

Съ учрежденіемъ третьяго отдѣленія и корпуса жандармовъ самодержавіе получило могущественное средство самозащиты. При услужливомъ отношеніи къ нимъ тогдашней Ѳемиды, явилось возможнымъ считать покушеніе на преступленіе противъ государства за преступленіе, намѣреніе—за покушеніе. Государство ухитрилось выслѣживать и строго наказывать злыя мысли. Въ этотъ періодъ русскій языкъ обогатился неизвѣстнымъ ни одному языку въ мірѣ терминомъ „злоумышленникъ". Николаевскій режимъ пошелъ дальше бироновскаго, наказывавшаго только за „слово". Новые методы борьбы съ наро-

домъ, жлавшимъ возстановить свои права, навели такую панику на современниковъ, что три десятилѣтій общество находилось въ состояніи оцѣпенѣнія, безъ ропота, безъ протестовъ подчинялось всѣмъ репрессіямъ, начинало вѣрить въ спасительность и необходимость николаевскаго режима, пока севастопольскій погромъ не открылъ ему глазъ, не вывелъ его изъ состоянія гипноза.

II.

Николаевское „законничество". — Сводъ Сперанскаго.—Дѣятельность государственнаго совѣта, комитета министровъ и отдѣльныхъ министровъ.—Законъ и практика.—Характеристика николаевскаго режима.—Возсоединеніе уніатовъ.—Личность монарха.—Взяточничество и казнокрадство.

Александръ I былъ большимъ поклонникомъ писаннаго закона. На медали, которую онъ отчеканилъ по случаю своей коронаціи, изображена надпись: „законъ—залогъ блаженства всѣхъ и каждаго". Въ рескриптѣ на имя предсѣдателя комиссіи по составленію законовъ онъ развилъ вышеприведенную мысль подробнѣе: „поставляя въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства, и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ навѣки" и т. д.

Николай I, слѣдуя завѣтамъ своего предшественника, возлюбилъ еще болѣе законъ. Достаточно сказать, что всѣ законы, изданные въ Россіи съ 1649 г. по 1725 г., вмѣщаются въ 41 томѣ, законы же царствованія Николая I составляютъ пятьдесятъ такихъ же по объему книгъ (тридцать томовъ, но многіе изъ нихъ заключаютъ двѣ части). Комиссія по составленію законовъ, возникшая въ предыдущее царствованіе, была закрыта. Въ указѣ по этому случаю было сказано, что ея „труды оставались почти совершенно безплодными. Нетрудно было от-

крыть и причину. Недостаточность результатовъ происходила главнѣйшимъ образомъ оттого, что всегда обращались къ составленію новыхъ законовъ, тогда какъ надо было сперва основать старые на твердыхъ началахъ. „Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ, Я велѣлъ собрать сперва старые, привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ, а самое дѣло по его важности взялъ въ непосредственное Мое руководство, закрывъ прежнюю комиссію".

Такимъ путемъ возникло второе отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, на которое было возложено изданіе полнаго собранія законовъ. Начальникомъ отдѣленія былъ назначенъ Болугьянскій, но главное руководство его лѣятельностью и право докладовъ государю было предоставлено Сперанскому. Въ составѣ тогдашней бюрократіи не оказалось другого человѣка, на котораго можно было бы возложить подобное порученіе, а потому пришлось обратиться къ нему. Болугьянскій получилъ конфиденціальное порученіе смотрѣть въ оба, чтобы его начальникъ „не надѣлалъ проказъ, какъ въ 1810 г." Только преемникъ Сперанскаго, Дашковъ, получилъ званіе главноуправляющаго вторымъ отдѣленіемъ; у Сперанскаго этого званія не было.

Какъ мы указали въ нашемъ первомъ очеркѣ, даже въ московскомъ государствѣ точно различались понятія „законы" и „указы".

Законы издавались не иначе, какъ соборами, указы исходили отъ монархической власти. Еще въ наказѣ Екатерины различались эти понятія: „подъ словомъ „законъ", говорилось тамъ, „разумѣются всѣ тѣ установленія, которыя ни въ какое время не могутъ перемѣниться; имя „указы" заключаетъ въ себѣ все то, что для какихъ-нибудь дѣлается приключеній и что только есть случайное или на чью особу относящееся и можетъ со-временемъ перемѣниться".

Эти различія прекрасно понималъ Сперанскій,

мечтавшій во дни юности передать законодательную власть представительнымъ учрежденіямъ, въ крайности государственному совѣту. Поэтому его нельзя обвинять въ томъ, что въ своемъ сводѣ законовъ онъ смѣшалъ самымъ безнадежнымъ образомъ настоящіе законы съ административными распоряженіями и постановленіями по отдѣльнымъ случаямъ. Книга законовъ, полученная Россіей при Николаѣ, составлена изъ массы обрывковъ всевозможнаго историческаго происхожденія, туземнаго и иноземнаго, древняго и современнаго.

Съ момента появленія свода законовъ и до нашихъ дней слова „законъ“, „законность“, „законныя права“ склоняются непрерывно слугами режима, но дѣйствительно-ли Россія съ тѣхъ поръ стала „управляться на твердомъ основаніи законовъ“, отъ самодержавной власти исходящихъ? Какъ ни суровы нормы, изложенныя въ нашемъ сводѣ, но и онѣ соблюдались только тогда со всею строгостью, когда дѣло касалось стѣсненія и ограниченія правъ обывателя. Что же касается минимальныхъ гарантій, предоставляемыхъ ему сводомъ (свобода совѣсти, отвѣтственность за преступленія не иначе, какъ по суду, и т. д.), то онѣ оставались мертвою буквою.

Практика не церемонилась, вообще, со сводомъ, когда находила это нужнымъ. Рельефнѣе всего это выразилось въ самомъ порядкѣ изданія новыхъ законовъ, и, вообще, въ отношеніи къ такъ называемымъ „основнымъ законамъ Россійской имперіи“.

Со времени учрежденія государственнаго совѣта Россія, какъ будто, получила законодательный корпусъ. Закономъ должно почитаться мнѣніе государственнаго совѣта, по Высочайшемъ его утвержденіи. Но уже Александръ I не соблюдалъ этого принципа. Изъ 242 разномыслій государственнаго совѣта 83 раза онъ утвердилъ мнѣніе меньшинства въ 4 случаяхъ согласился съ мнѣніемъ одного члена. Императоръ Николай на меморіяхъ государствен

наго совѣта обыкновенно писалъ: „быть по мнѣнію стольких-то членовъ“, или противъ заключенія большинства или меньшинства писалъ: „и Я“. Но чаще всего постановлялъ собственныя рѣшенія, несогласныя съ мнѣніемъ ни большинства, ни меньшинства.

Впрочемъ, временщики, какими являлись министры, находили неудобнымъ и непріятнымъ внесеніе законопроектовъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Даже въ этомъ бюрократическомъ, раболѣпномъ учрежденіи они встрѣчали оппозицію и критику. Государственный совѣтъ оберегалъ все-таки принципы, изложенные въ основныхъ законахъ, а потому, какъ замѣтилъ Болугьянскій еще въ 1826 г.: „въ послѣднихъ годахъ комитетъ министровъ завладѣлъ всею законодательною властью; министры подносили узаконенія прямо на утвержденіе государя о предметахъ, коихъ предварительное разсмотрѣніе принадлежало по существу своему въ государственный совѣтъ“.

Практика пошла еще дальше въ этомъ направленіи. Явился рядъ стѣсненій и ограниченій, въ особенности по отношенію къ полякамъ, евреямъ и инородцамъ, не основанныхъ совершенно на Высочайшемъ повелѣніи. Въ основу такихъ нормъ легли: именные устные приказы, объявленные якобы тому или другому министру, генералъ-губернатору и т. д., циркуляры министра, а то и прямо практика того или другого учрежденія.

Въ концѣ концовъ, несмотря на невиданное нигдѣ въ мірѣ количество законовъ, издаваемыхъ непрерывно, Россія стала управляться усмотрѣніемъ непосредственнаго начальника: столоначальниковъ, низшихъ полицейскихъ органовъ, вдохновляемыхъ общими указаніями, исходящими отъ того или другого министра. Начало этому порядку положено въ царствованіе Николая I.

Приступая къ изданію полнаго собранія и свода

законовъ, императоръ имѣлъ въ виду, вѣроятно, нужды своихъ преемниковъ, такъ какъ самъ онъ и его правительство ни въ какихъ писанныхъ законахъ не нуждались.

Конечно, подобное ненормальное положеніе не могло не найти себѣ отраженія въ печати. И оно отразилось въ современной литературѣ. Правда, въ силу цензурныхъ условій, въ литературѣ не русскихъ подданныхъ.

„Русское правительство—это... осадное положеніе, сдѣлавшееся нормальнымъ состояніемъ общества“, пишетъ Кюстинъ въ интересной книгѣ о Россіи: „даже дышатъ въ Россіи только вслѣдствіе приказа царя. Все подавлено, боязливо жмется, все мрачно, все молчаливо, все слѣпо повинуется невидимой палкѣ. Тупая и желѣзная казарменная дисциплина сковала всѣхъ и все... Когда я думаю о массѣ жестокостей, ежедневно происходящихъ въ глубинѣ этой колоссальной имперіи, я начинаю ненавидѣть страну, правительство, все населеніе. Неопредѣленное, тягостное чувство меня охватываетъ, и я думаю только о томъ, какъ бы бѣжать“.

Страшная жизнь обитателей этого „гранитнаго лагеря“, какъ называетъ Кюстинъ Россію, пугаетъ его; онъ воображаетъ, что русскій народъ подчиняется столь страшному деспотизму не спроста, но съ точки зрѣнія завоевательныхъ тенденцій. „Или, — предсказываетъ онъ, — цивилизованный міръ попадетъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ подъ иго варваровъ, или Россія переживетъ революцію, болѣе страшную, нежели та, послѣдствія которой Западъ Европы чувствуетъ еще до сихъ поръ“.

Предсказанія знатныхъ иностранцевъ не всегда сбываются. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ Кюстинъ выражается иначе: „Ихъ революція будетъ ужасна. Въ націи, управляемой, какъ эта, страсти долго кипятъ раньше, нежели разразятся; опасность можетъ приближаться съ часу на часъ, зло продолжается

кризисъ затягивается; наши внуки, быть можетъ, еще не увидятъ взрыва, который, тѣмъ не менѣе, мы можемъ предсказать уже теперь, какъ неизбѣжный, не предсказывая времени его наступленія".

„Правительство желаетъ искусственно удержать весь народъ въ рабствѣ, въ варварствѣ и положеніи вѣчныхъ дѣтей. Страхъ, страхъ и страхъ, рабскій и безконечный—вотъ господствующее чувство всѣхъ и каждаго по отношенію къ давящей сверху власти. Страна палачей и жертвъ—таково главное впечатлѣніе путешественника.

Жестокости николаевскаго режима представляютъ какой-то тяжелый кошмаръ, воспоминанія о которомъ не забудутся въ преданіяхъ народа никогда. Генералъ-губернаторъ Сибири, изловивъ какъ-то шайку разбойниковъ, попросилъ разрѣшенія казнить ихъ. „Въ Россіи смертная казнь отмѣнена, и не мнѣ возстановлять ее,—послѣдовалъ отвѣтъ императора:—пропустить ихъ сквозь строй въ 1000 человѣкъ десять разъ... Наказаніе въ нѣсколько тысячъ ударовъ розгами, запарываніе на смерть кнутомъ—были обычными наказаніями.

Съ особенною яростью обрушился режимъ на упорствующихъ изъ среды „любовью возсоединенныхъ" уніатовъ. Уніатскихъ священниковъ сѣкли, пытали, ссылали закованными попарно въ Сибирь.

Въ Полоцкѣ трехъ аббатовъ, Бѣжинскаго, Зилинскаго и Зиленича, обливали ледяною водою, пока они не умерли, четвертаго, Заницкаго, убили полѣномъ. Въ Минскѣ былъ женскій базиліанскій монастырь. Тридцать четыре монахини занимались тамъ воспитаніемъ сиротъ и благотворительными дѣлами. Въ 1827 г. архіепископъ Сѣмашко потребовалъ, чтобы онѣ перешли въ православіе. Онѣ отказались. Тогда явились жандармы и чиновники подъ предводительствомъ Сѣмашко, арестовали монахинь и отправили въ Витебскъ, въ монастырь. Было приказано, впредь до обращенія, сѣчь ихъ розгами че-

резъ каждые два дня. Въ первый же разъ одна изъ монахинь умерла на тридцатомъ ударѣ, но солдатъ, совершавшій истязаніе, ударилъ еще двадцать разъ по трупу, пока не было отсчитано полностью назначенное число. Кормили монахинь однимъ только хлѣбомъ, котораго отпускалось не болѣе четырехъ фунтовъ въ недѣлю на каждую.

При такомъ режимѣ четырнадцать монахинь вскорѣ умерли. Чтобы сломить упорство оставшихся, на нихъ были напущены солдаты, которые такъ избили ихъ, что еще двѣ умерли, у нѣсколькихъ были выбиты глаза, всѣ онѣ были изранены. Спустя нѣкоторое время ихъ бросили въ озеро, крича: „Обращайтесь!“ Тримонахини утонули. Пытки и истязанія длились около четырехъ лѣтъ, но не сломили упорства несчастныхъ монахинь. Оставшихся въ живыхъ сослали въ Сибирь.

Наряду съ неукоснительнымъ и жестокимъ преслѣдованіемъ уніатовъ, не желавшихъ всецѣло присоединиться къ православію, „40,000 столоначальниковъ“ Николая Павловича не менѣе жестоко расправлялись съ польскими революціонерами 1831 г.

Государь, вѣрный своему принципу абсолютизма, не могъ не подавить автономныхъ тенденцій Польши и подавилъ ихъ, вполнѣ вѣрный своимъ основнымъ взглядамъ на управленіе государствомъ.

Подавленіе шло такимъ темпомъ, что въ предисловіи къ французскому переводу книги нѣмца Тейнера, извѣстный французскій общественный дѣятель, графъ Монталамберъ, писалъ: „происходитъ теперь въ Европѣ одна жестокая вещь, и ея жестокость, кажется намъ, имѣетъ мало примѣровъ даже въ самыя гибельныя эпохи міровой исторіи. Приступаютъ хладнокровно, среди глубокаго мира, къ методическому уничтоженію одной старой, славной національности, которая должна была бы быть свя-

щенной въ глазахъ всѣхъ христіанскихъ народовъ вслѣдствіе благодѣяній, которыя она имъ оказала".

Ученый французъ, повидимому, и не догадывался, что всѣ вышеперечисленныя качества проявлялись не только по отношенію къ полякамъ.

Даже при всѣхъ условіяхъ, сопровождавшихъ режимъ императора Николая I-го, послѣдователи его личности въ связи съ его этикой задумывались надъ объясненіемъ явленій, казавшихся феноменальными. Излюбленнымъ объясненіемъ „николаевскаго режима" было такое умозрѣніе:

Николай I не готовился къ престолу. Онъ достался третьему сыну Павла I при двухъ старшихъ братьяхъ болѣе или менѣе случайно. Николай Павловичъ и не получилъ того воспитанія, которое давалось въ Петербургѣ обыкновенно наслѣдникамъ престола. Какъ и младшій его братъ, Михаилъ Павловичъ, онъ готовился къ обязанностямъ командира дивизіи или корпуса, но, получивъ неожиданно корону, ничуть не смутился, не убоялся трудности новаго положенія. Онъ смотрѣлъ на вещи просто: послушаніе, съ одной стороны, строгость и твердость, съ другой стороны, никакихъ поблажекъ, никакихъ сентиментальностей, вотъ и вся премудрость управленія.

Думается, что толкованіе характера Николая Павловича слишкомъ произвольно. И личность его лучше освѣщена у Шильдера.

Какъ утверждаетъ Шильдеръ, Николай Павловичъ съ дѣтства отличался самонадѣянностью, строптивостью, своеволіемъ. По свидѣтельству Кюстина, видъ у него „былъ военный и болѣе нѣмецкій, нежели славянскій". „Независимость природы кажется ему дурнымъ примѣромъ; всякое существо, которое онъ не можетъ подчинить своимъ произвольнымъ законамъ, становится въ его глазахъ солдатомъ, возмущающимся противъ своего сержанта среди сраженія". Лицо его показалось Кюстину непріятнымъ, вслѣдствіе отражавшейся на немъ господ-

ствующей черты: „безпокойной суровости“. Чѣмъ чаще бывалъ Кюстинъ при дворѣ, тѣмъ больше его поражала всегдашняя неестественность Николая. Выраженія на его лицѣ смѣнялись по произволу.

Таковъ былъ повелитель страны, о которой Кюстинъ пишетъ: „нужно жить въ этой пустынѣ безъ покоя, въ этой тюрьмѣ безъ отдыха, которая называется Россіею, чтобы почувствовать всю свободу, которою пользуются люди въ другихъ странахъ Европы, какая бы форма правленія ни была тамъ принята... Когда вашъ сынъ будетъ недоволенъ Франціею, воспользуйтесь моимъ рецептомъ, скажите ему: „Отправляйся въ Россію.“ Это путешествіе для всякаго иностранца полезно: кто хорошо видѣлъ эту страну, тотъ будетъ доволенъ жизнью во всякомъ другомъ мѣстѣ“.

Исторія знаетъ много примѣровъ суровыхъ режимовъ. Строгостью отличались порядки Спарты, древняго Рима, англійскій режимъ не отличался гуманностью и мягкосердечіемъ; но вездѣ строгость преслѣдовала воспитательныя цѣли, была направлена противъ преступности, вообще, основывалась на законѣ. Николаевскій режимъ отличался односторонностью. Онъ боролся, прежде всего, съ вольнодумствомъ, врагами существующаго порядка, поляками, уніатами и т. д., по отношенію къ общимъ преступленіямъ онъ былъ менѣе взыскателенъ. Взяточничество, мздоимство, лихоимство, крайняя испорченность и развращенность чиновничества въ соединеніи съ нѣкоторымъ русскимъ добродушіемъ и халатностью смягчали суровость закона, въ особенности поскольку это касалось людей болѣе состоятельныхъ. Преступникъ почти всегда могъ откупиться, и въ этомъ заключался весь трагизмъ положенія русскаго народа. Тогда появились знаменитыя поговорки: „законъ, что дышло: куда повернулъ, туда и вышло“ или „что намъ законы, намъ судьи знакомы“.

Зналъ-ли императоръ про взяточничество и казнокрадство своихъ чиновниковъ? Одни писатели любятъ разсказывать про безсовѣстность чиновниковъ, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ обманывавшихъ императора, который будто бы ничегоне замѣчалъ, другіе (смотри многочисленные апекдоты въ „Русской Старинѣ“ и „Русскомъ Архивѣ“), что онъ ихъ видѣлъ, но чувствовалъ себя не въ силахъ бороться съ этимъ зломъ. Проще предположить, что онъ попросту смотрѣлъ сквозь пальцы на взяточничество и казнокрадство, что съ успѣхомъ можно доказать каждымъ изъ вышеупомянутыхъ анекдотовъ, классическимъ примѣромъ которыхъ является общеизвѣстный разсказъ про Николая I и квартальнаго.

Не приближая никого особенно близко къ себѣ, не имѣя любимцевъ, Николай I понималъ прекрасно, что самодержавіе должно опираясь, на какой-нибудь классъ населенія, давать ему жить. Онъ такъ и поступалъ. Съ царствованія его министры, впавшіе въ немилость, не ссылались болѣе въ Сибирь и не подвергались пыткамъ, но спокойно доживали свой вѣкъ въ палатахъ каменныхъ, нажитыхъ отъ „трудовъ праведныхъ“. Режимъ кормилъ и позволялъ кормиться массѣ народа, требуя отъ нея только преданности, благонамѣренности, послушанія.

III.

Образовательная система.—Закрытіе доступа въ учебныя заведенія лицамъ податныхъ сословій.—Уставы Александра I и ихъ судьба.—Автономія университетовъ.—Гоненіе на вольнодумство. — Реформы Шишкова. — Университетскій уставъ 1835 г.

Злѣйшимъ врагомъ своего режима Николай I считалъ науку.

На науку онъ смотрѣлъ, какъ на все: подъ угломъ зрѣнія безграничнаго автократа.

Николай I былъ убѣжденъ, что онъ и только онъ одинъ въ состояніи вести русскій государственный корабль по правильному пути. И, поэтому, слабовольному Румовскому предпочиталъ солдатскую выправку Магницкаго, всегда готоваго слѣпо исполнить всѣ желанія государя, угадывавшаго всѣ его мысли. Николай Павловичъ желалъ, чтобы и наука, какъ всѣ остальныя пружины государственнаго механизма, служила *его желаніямъ*, ибо въ исполненіи своихъ желаній Николай I видѣлъ *все благо* Россіи.

Послѣ усмиренія польскаго возстанія, первымъ дѣломъ были закрыты варшавскій и виленскій университеты, кременецкій лицей и почти всѣ учебныя заведенія. Что касается русскихъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній, то государь рѣшилъ совершенно искоренить въ нихъ духъ демократизма.

Несмотря на то, что почти всѣ участники тайныхъ обществъ оказались дворянами, происходя-

щимп изъ лучшихъ и даже титулованныхъ фамилій, наоборотъ Шервудъ-Вѣрный и „лучшіе слуги отечества“ вышли изъ низшей среды, тѣмъ не менѣе Николай Павловичъ нашелъ небезопаснымъ и нежелательнымъ допущеніе въ высшія учебныя заведенія и гимназіи дѣтей лицъ податныхъ сословій. Онъ поручилъ предсѣдателю государственнаго совѣта изготовить законъ, воспрещающій родителямъ отдавать дѣтей „въ такія учебныя заведенія, въ коихъ могли бы получать образованіе, превышающее состоянія ихъ“.

Одинъ изъ друзей юности Александра I, кн. Кочубей, раздѣляя, какъ царедворецъ, вполнѣ взглядъ Николая I по существу на систему обученія русскаго юношества, считалъ нужнымъ въ особомъ представленіи обратить вниманіе императора, что „удобнѣе издать новый законъ въ видѣ рескрипта на имя министра народнаго просвѣщенія“. Благодаря этому, доказывалъ Кочубей, получится менѣе огласки. При обсужденіи законопроекта государственнымъ совѣтомъ, онъ станетъ несомнѣнно извѣстенъ въ Европѣ, произойдутъ толки и, „хотя мы находимся въ особенномъ положеніи по внутреннимъ нашимъ установленіямъ, не можно презирать ни мнѣніемъ оныхъ, ни мнѣніемъ внутри государства“.

Императоръ согласился съ мнѣніемъ Кочубея. Законъ, закрывшій для низшихъ сословій въ Россіи двери къ образованію, не разсматривался государственнымъ совѣтомъ, но былъ опубликованъ въ формѣ рескрипта. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что всѣ способы преподаванія должны по возможности сообразоваться съ будущимъ предназначеніемъ учащихся, „чтобы каждый вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ, нравственности, пріобрѣталъ тамъ не стремленіе возвыситься надъ состояніемъ, въ коемъ ему суждено оставаться, но полезныя ему свѣдѣнія“.

На учебныя заведенія было, вообще, обращено особенное вниманіе. Здѣсь нельзя не замѣтить, что народное образованіе было присоединено къ числу задачъ, принятыхъ на себя государственною властью въ Россіи сравнительно недавно, только къ началу XIX вѣка. Государство не успѣло еще создать своихъ особыхъ органовъ для выполненія этой задачи. До царствованія Александра I во главѣ учебнаго дѣла стояло случайное учрежденіе, вызванное къ жизни единовременнымъ и спеціальнымъ порученіемъ—открыть новыя школы. На мѣстахъ, въ областяхъ, непосредственными начальниками этихъ школъ были губернскія власти. Школа не имѣла ни собственнаго управленія, ни собственнаго бюджета, и находилась въ полной зависимости отъ мѣстныхъ присутственныхъ и сословныхъ кассъ и даже отъ частной благотворительности.

Александръ I поставилъ школьное дѣло на другія основанія. Первымъ параграфомъ „Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія 24-го января 1803 г.“ было опредѣлено, что „народное просвѣщеніе въ Россійской Имперіи составляетъ особенную государственную часть, ввѣренную министру сего отдѣленія и подъ его вѣдѣніемъ распоряжаемую главнымъ училищъ правленіемъ“.

Члены правленія состояли вмѣстѣ съ тѣмъ попечителями шести „полосъ“ Россіи, то есть округовъ, на которые дѣлилась вся Имперія по отношенію къ учебному управленію. Попечитель былъ представителемъ интересовъ своего округа въ Петербургѣ; на мѣстахъ, во главѣ учебнаго округа стоялъ университетъ. Въ трехъ округахъ: московскомъ, виленскомъ и дерптскомъ университеты уже существовали; что касается остальныхъ, то указомъ 6-го сентября 1802 г. было признано, что „главною цѣлью, которую должны имѣть члены тѣхъ отдѣленій, гдѣ еще нѣтъ университетовъ, есть учрежденіе оныхъ“. Указъ возымѣлъ свое дѣйствіе, и возникли но-

вые университеты: въ Казани, Харьковѣ, Петербургѣ.

Въ каждомъ изъ губернскихъ городовъ должно было находиться губернское училище, или гимназія, въ каждомъ уѣздномъ и губернскомъ городѣ полагалось по одному уѣздному училищу. Директоръ гимназіи былъ подчиненъ университету и являлся вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ всѣхъ уѣздныхъ училищъ губерніи. Во всякомъ церковномъ приходѣ или двухъ соединенныхъ приходахъ должны были заводиться приходскія училища, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ подъ наблюденіемъ помѣщика, въ казенныхъ—священника и одного изъ почетнѣйшихъ гражданъ.

Устанавливался семилѣтній курсъ ученія, который проходился во всѣхъ трехъ школахъ послѣдовательно, такъ какъ въ уѣздномъ училищѣ уже не учили тому, что преподавалось въ приходскомъ, а въ гимназіи предполагалось извѣстнымъ то, чему учили въ уѣздныхъ училищахъ. Въ приходской школѣ преподавались: Законъ Божій, чтеніе, письмо и начало ариѳметики. Въ уѣздномъ училищѣ, кромѣ продолженія Закона Божія и ариѳметики съ геометріей, преподавались: грамматика, географія, исторія, начало физики и технологіи. Въ гимназіяхъ уже не преподавались Законъ Божій и русскій языкъ, но зато здѣсь проходились: логика, психологія, этика, эстетика, естественное и народное право, политическая экономія, математика и естественныя науки, коммерція и технологія.

Правительство употребило рядъ поощрительныхъ и принудительныхъ мѣръ къ тому, чтобы училища новаго типа посѣщались. Гимназія становилась путемъ въ университетъ, а университетъ обѣщалъ въ перспективѣ оберъ-офицерскій чинъ. Далѣе, было постановлено: „ни въ какой губерніи, спустя пять лѣтъ по устроеніи училищной части, никто не будетъ опредѣленъ къ гражданской должности, тре-

бующей юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ ученіе въ общественномъ или частномъ училищѣ". Наконецъ, указъ 1809 г., находя, что: „дворянство, обыкшее примѣромъ своимъ предшествовать всѣмъ другимъ состояніямъ, менѣе другихъ пріемлетъ участія" въ школьномъ обученіи своихъ дѣтей, и объяснилъ это: „удобностью достигать чиновъ не заслугами и отличными познаніями, но однимъ пребываніемъ и счисленіемъ лѣтъ службы". Поэтому указъ ограничивалъ доступъ къ чинамъ и для дворянъ, постановляя, что всякій, желающій получить чинъ коллежскаго ассесора, долженъ былъ выдержать экзаменъ при университетѣ.

По уставу 1804 г. дѣло народнаго просвѣщенія находилось всецѣло въ рукахъ университетовъ, то есть корпорацій иностранныхъ профессоровъ, по преимуществу нѣмцевъ. Они пользовались по уставу широкой автономіей, засѣдали въ совѣтѣ, выбирали ректора, деканов и правленіе, завѣдывавшее хозяйственными дѣлами. Организація преподаванія была отдана всецѣло въ распоряженіе совѣта. Для своихъ членовъ университетъ имѣлъ собственный судъ, жаловаться на который можно было только сенату. До мѣстной полиціи профессорамъ не было никакого дѣла. Въ глазахъ мѣстнаго общества—профессора считались чиновниками высокаго ранга, раздающими чины. Ближайшій начальникъ университета, попечитель, жилъ далеко, въ Петербургѣ, что, по мнѣнію профессоровъ, должно было предупреждать партійное вмѣшательство его во внутреннюю жизнь университета.

Впрочемъ, всѣ эти преимущества ученой корпораціи, созданныя уставомъ 1804 г., вскорѣ оказались иллюзіей. При первой же попыткѣ совѣта харьковскаго университета настоять на своемъ постановленіи, незаконно кассированномъ попечителемъ,—профессоровъ, подписавшихъ протестъ, велѣно было призвать въ губернское правленіе и

„сдѣлать имъ строжайшій выговоръ, съ подтвержденіемъ, что ежели впредь окажутъ подобное непослушаніе, то будутъ преданы суду". Выборы фактически безъ церемоніи отмѣнялись, ученыя степени давались по усмотрѣнію попечителя и т. д. Въ казанскомъ университетѣ, благодаря слабости и довѣрчивости престарѣлаго попечителя Румовскаго, вся власть перешла къ директору казанской гимназіи и профессору Яковкину, который фактически упразднилъ автономію.

Тѣмъ не менѣе университеты уже въ первое десятилѣтіе своего существованія достигли довольно высокой степени развитія. Этому много способствовали первые попечители, оказавшіеся людьми просвѣщенными и сдѣлавшіе все возможное для привлеченія изъ-за границы ученыхъ силъ. Не говоря про польскій университетъ въ Вильнѣ и нѣмецкій въ Дерптѣ, не уступавшіе нисколько заграничнымъ, въ московскомъ университетѣ, гдѣ попечителемъ былъ Муравьевъ (отецъ автора конституціи), появились такіе профессора, какъ Шлецеръ, Буле, Гофманъ, Байе и т. д. Казань прославилась своими математиками, которыми обязана своему попечителю Румовскому. Въ Петербургѣ славились въ то время философы: Галичъ, Велланскій и правовѣды: Раунахъ, Германъ, Куницынъ.

Періодъ сравнительнаго процвѣтанія русскихъ университетовъ и просвѣщенія продолжался недолго. Съ назначеніемъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія 10 августа 1816 г. кн. Голицына началось гоненіе на науку и просвѣщеніе. Особенно выдѣлился въ этомъ отношеніи попечитель казанскаго округа Магницкій, поставившій главною задачею университетскаго преподаванія: „воспитаніе вѣрныхъ сыновъ православной церкви, вѣрныхъ подданныхъ государю, добрыхъ и полезныхъ гражданъ отечеству и борьбу съ вольно-

думствомъ". Профессора обязывались, прежде всего, заботиться, „чтобы вредный духъ времени, всеразрушающій духъ вольнодумства не проникнулъ въ стѣны университета". Профессору философіи вмѣнялось въ обязанность внушать слушателямъ, что „все то, что не согласно съ разумомъ Священнаго Писанія, есть заблужденіе и ложь, и безъ всякой пощады должно быть отвергаемо". Науки политическія, преподаваемыя въ университетахъ, „должны служить утвержденію принципа, что правленіе монархическое установлено самимъ Богомъ, и клонить мысль къ покорности и почтенію къ государю. Профессору русской исторіи вмѣнялось въ обязанность доказать: „что наше отечество въ истинномъ просвѣщеніи упредило многія современныя государства и докажетъ сіе распоряженіями по учебной части и духовной Владиміра Мономаха"...

Въ харьковскомъ университетѣ мѣсто графа С. Потоцкаго, вышедшаго въ отставку вскорѣ послѣ назначенія министромъ народнаго просвѣщенія кн. Голицына, занялъ Карнѣевъ, дѣйствовавшій въ томъ же духѣ, что и Магницкій; въ Петербургѣ—Руничъ. Начались формальныя слѣдствія надъ профессорами, обвиненными въ преподаваніи философскихъ и историческихъ наукъ въ противномъ христіанству духѣ. Собраны были тетради слушателей, записки профессоровъ. По заключенію университетскаго суда, главное правленіе училищъ, на основаніи приложенныхъ къ дѣлу выписокъ вредныхъ мѣстъ изъ сочиненій и лекцій, признало ученіе нѣсколькихъ профессоровъ опаснымъ для государственнаго благосостоянія. Вышедшія раньше сочиненія: Германа „Краткое руководство къ всеобщей теоріи статистики", „Всеобщая теорія статистики" и „Историческое обозрѣніе литературы статистики, въ особенности Россійскаго Государства" Галича „Исторія философскихъ системъ", Арсеньева „Начертаніе статистики Россійскаго Государства"—

были запрещены и изъяты изъ всѣхъ библіотекъ учебныхъ заведеній. Гоненію подверглись также профессора Раунахъ и Плисовъ.

Профессора, устраненные отъ своихъ каѳедръ, потребовали надъ собою формальнаго уголовнаго суда. Магницкій протестовалъ противъ этого, желая просто выслать административнымъ порядкомъ заграницу Раунаха и Германа, но тѣмъ не менѣе дѣло поступило на разсмотрѣніе комитета министровъ. Послѣдній предоставилъ обвиняемымъ возможность привести всѣ данныя къ своему оправданію и даже назначилъ изъ своей среды особую комиссію, которая дѣйствовала до 1827 г., когда, по повелѣнію императора Николая, дѣло было прекращено. Къ этому времени профессора, такъ и не добившіеся признанія рѣшенія университетскаго суда неправильнымъ, поступили на службу въ другія вѣдомства.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, разгромъ университетовъ начался еще до Николая Павловича. Многіе иностранные профессора, не дожидаясь преслѣдованій, сами поспѣшили уѣхать заграницу. Мѣсто серьезныхъ ученыхъ заняли молодые карьеристы, умѣвшіе читать всѣ науки, какія потребуется, угождать начальству „благонравіемъ“ и не церемониться съ подчиненными. „Изъ новыхъ лицъ“, замѣчаетъ объ этомъ поколѣніи историкъ петербургскаго университета,—„не было, за исключеніемъ Сенковскаго, ни одного, которое бы о знаніяхъ и способностяхъ своихъ заявило чѣмъ-нибудь въ ученомъ мірѣ...

Они не подняли понизившагося уровня университета, ни умственнаго, ни нравственнаго. Еще менѣе способны были замѣнить выбывшихъ молодые воспитанники самаго университета, окончившіе курсъ въ 1823 г. и оставленные при немъ для исправленія должности магистровъ. Молодежь эта была поражена разгромомъ 1821 г. до такой

степени, что никогда не могла очнуться, чтобы думать не по заданной программѣ и дѣйствовать не по чужой указкѣ".

Общій научный упадокъ университетовъ былъ сознанъ самимъ высшимъ правительствомъ и для поднятія профессорскаго уровня было рѣшено послать молодыхъ русскихъ ученыхъ заграницу. Въ 1827 г. состоялось высочайшее повелѣніе послать сперва въ Дерптъ, а затѣмъ въ Берлинъ и Парижъ, 20 способнѣйшихъ студентовъ, выбранныхъ изъ всѣхъ университетовъ, а въ слѣдующемъ—1828 г. еще шестерыхъ лучшихъ студентовъ.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, гоненія на науку, подчиненіе ея соображеніямъ государственнаго порядка начались еще въ предыдущемъ царствованіи. Николай I пошелъ еще дальше въ этомъ направленіи. Манифестъ 13 іюля 1826 г., объявленный во всеобщее свѣдѣніе, гласилъ, между прочимъ: „не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ, недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, сію пагубную роскошь полупознанія, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ—погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ пріуготовлять нравы и способствовать его видамъ".

Реформа школы представлялась императору Николаю первымъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для отрезвленія общества отъ дерзновенныхъ мечтаній. Еще 14 мая 1826 г. онъ назначилъ особый „комитетъ устройства учебныхъ заведеній", цѣлью котораго было: „безъ всякаго отлагательства ввести единообразіе въ учебную систему, дабы уже за совершеніемъ сего воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій, по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ".

Во исполненіе желаній государя министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ составилъ планъ реформы. Вмѣсто одной безсословной школы съ одинаковой программой для всѣхъ, предполагалось создать нѣсколько сословныхъ школъ съ различными программами. При александровской системѣ всѣ учебныя заведенія были связаны въ одну неразрывную цѣпь такимъ образомъ, что низшая школа являлась ступенью къ высшей. Шишковъ исходилъ изъ другихъ соображеній. Онъ находилъ, что: „при назначеніи постепенности учебныхъ заведеній отнюдь не должно исключительно имѣть въ виду приготовленіе учениковъ къ переходу изъ одного заведенія въ другое, высшее, но потребности тѣхъ состояній, которыя должны были получить въ нихъ окончательное образованіе. Приходскія школы должны существовать у насъ преимущественно для крестьянъ, мѣщанъ и промышленниковъ низшаго класса, уѣздныя—для купечества, оберъ-офицерскихъ дѣтей и дворянъ; гимназіи преимущественно для дворянъ“.

Другая идея реформы 1828 г. состояла въ томъ, что школа должна не только учить, но и воспитывать, и что это воспитаніе должно находиться всецѣло въ рукахъ государства. „Должно увлечь все юношество,—пишетъ въ извѣстной своей запискѣ Пушкинъ,—въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства, должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ...

Нечего колебаться во что бы то ни стало подавить воспитаніе частное“.

Поэтъ угадалъ намѣренія министра. Шишковъ пошелъ, именно, по этому пути. Для привлеченія дворянства въ гимназіи были предоставлены оканчивающимъ ее права на чинъ XIV кл. Одновременно было рѣшено закрыть всѣ частные пансіоны черезъ

три года послѣ введенія реформы и запретить принимать кого бы то ни было на службу въ канцеляріи безъ, по меньшей мѣрѣ, диплома хотя бы уѣзднаго училища.

Исходя изъэтихъ положеній, были изданы и опубликованы: „Уставъ гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ“ (8 декабря 1828 г.) „Положеніе объ учебныхъ округахъ“ (22 іюня 1835 г.) и „Общій уставъ университетовъ“ (26 іюня 1835 г.)

Неизмѣннымъ въ новой системѣ школъ осталось только приходское училище, продолжавшее служить подготовительною ступенью для слѣдующихъ. Курсъ уѣздныхъ училищъ составилъ самостоятельное цѣлое, и тамъ преподавались почти всѣ тѣ же предметы, что и въ гимназіяхъ, но въ меньшемъ объемѣ. Въ 1836 г. была устроена особая дирекція этихъ училищъ, и они были изъяты изъ-подъ начальства директора губернской гимназіи.

Особенное вниманіе было обращено на гимназіи, такъ какъ тамъ, именно, сосредоточивалась та „роскошь полузнаній“, которую предполагалось замѣнить серьезнымъ прохожденіемъ немногихъ предметовъ.

Молодежь предполагалось продержать нѣсколько лишнихъ лѣтъ.

Вся программа должна проходиться въ семь лѣтъ. Философскія и общественныя науки были исключены изъ курса, главное мѣсто было отведено древнимъ языкамъ.

Подчиненіе гимназій университетамъ прекратилось, и низшая и средняя школа были непосредственно подчинены учебной администраціи округа, которой было рѣшено также подчинить и высшую школу. Университетскій уставъ 1835 г. покончилъ съ фикціей академической свободы, существующей по уставу 1804 г. Попечитель былъ теперь обязанъ жить въ томъ городѣ, гдѣ находился университетъ. Ректоръ и деканы пока остались выборные, но власть совѣта была сильно ограничена. Судебныя

функціи были отняты у университета; административныя и хозяйственныя дѣла вѣдались по прежнему правленіемъ, но начальникомъ послѣдняго былъ уже не совѣтъ, а попечитель. Попечителю принадлежалъ надзоръ за дисциплиною въ университетѣ. Инспекторъ изъ выборнаго и отвѣтственнаго передъ совѣтомъ лица превратился въ чиновника, назначавшагося попечителемъ и притомъ не изъ профессоровъ, а изъ постороннихъ университету „военныхъ или гражданскихъ“ служащихъ. Студентамъ была дана форма, уставъ регламентировалъ ихъ нравственныя обязанности и даже заботился о ихъ прическѣ, манерахъ и т. д. Богословіе, церковная исторія и право дѣлались обязательными предметами для всѣхъ факультетовъ. Русскимъ профессорамъ вмѣнялось въ обязанность читать русскую науку, основанную на русскихъ началахъ.

Тѣмъ не менѣе, правительству Николая I не удалось превратить университеты въ разсадники преданности существовавшему режиму. Глашатаи новой эры преподаванія въ духѣ народности, вродѣ Шевырева и Погодина, съ ужасомъ замѣтили, что молодые профессора, по возвращеніи изъ ученой командировки, привозили съ собою нѣмецкія тетрадки, нѣмецкія теоріи. Они даже самыя начала народности стали выводить по Гегелю. Даже когда они одобряли и оправдывали, они все-таки разсуждали, тогда какъ, по убѣжденію „начальства“, а нужно было просто вѣрить и умиляться. Все у нихъ было не просто, не по-домашнему, а, стало быть, могло оказаться опаснымъ.

Вокругъ новыхъ профессоровъ, въ числѣ которыхъ находились такіе ученые, какъ Неволинъ, Рѣдкинъ, Пироговъ, Крюковъ, нѣсколько позже Грановскій, собралась многочисленная симпатизировавшая имъ аудиторія. Все это пугаетъ правительство. Въ циркулярѣ 31 декабря 1840 г. министръ

народнаго просвѣщенія Уваровъ выражаетъ убѣжденіе, что: „при возрастающемъ повсюду стремленіи къ образованію, наступило время пещись о томъ, чтобы чрезмѣрнымъ этимъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній".

Были приняты новыя мѣры для затрудненія доступа въ университеты; была повышена плата за ученіе, число своекошныхъ студентовъ было ограничено комплектомъ. Вводя послѣднія мѣры, правительство прямо замѣчало, что лучше было бы, если бы: „дѣти благороднаго сословія искали преимущественно, какъ потомки древняго рыцарства, службы военной передъ службой гражданской. На сей конецъ имъ открыта возможность поступать въ военно-учебныя заведенія или же прямо въ ряды войскъ, для чего университетское образованіе не есть необходимость"...

Университетскій уставъ 1835 г. былъ признанъ слишкомъ либеральнымъ. Въ 1842 г. появился новый университетскій уставъ, согласно которому ректоръ назначался министромъ изъ двухъ кандидатовъ, избранныхъ университетомъ. Профессора могли выбираться совѣтомъ, но могли назначаться и министромъ. Послѣднему было предоставлено право увольнять деканов по усмотрѣнію и назначать въ деканы профессоровъ университета помимо факультетскихъ выборовъ.

Всѣ преподаватели были обязаны представлять передъ началомъ курса точныя программы преподаванія съ указаніемъ сочиненій, которыми они будутъ пользоваться. Деканы были обязаны наблюдать, „чтобы въ содержаніи программы не укрылось ничего, несогласнаго съ ученіемъ православной церкви или съ образомъ правленія и духомъ государственныхъ учрежденій", а также слѣдить за тѣмъ,

чтобы чтенія соотвѣтствовали программѣ. О малѣйшемъ отступленіи, хотя бы и безвредномъ, они были обязаны доводить до свѣдѣнія ректора.

Командировки въ иностранные университеты оставляемыхъ при университетѣ были запрещены. Нѣкоторые предметы подверглись особенному гоненію, какъ, напримѣръ, государственное право иностранныхъ государствъ и философія. Такимъ образомъ, послѣ двухъ десятковъ лѣтъ упорнаго труда николаевскому режиму удалось достигнуть успѣха своей системы. Университеты были превращены въ храмы оффиціальной науки.

Если въ 1830 и 40 г.г. встрѣчались еще на кафедрахъ независимые и добросовѣстные ученые, то въ 50 г.г. они уже представляли рѣдкое исключеніе. Началось систематическое фальсифицированіе научныхъ истинъ, замалчиваніе однихъ фактовъ, ложное освѣщеніе другихъ.

Наука привила обществу рядъ предразсудковъ ставшихъ ходячими, прописными истинами. Карамзинскій духъ, карамзинскіе взгляды праздновали блестящую побѣду.

IV.

Торжество николаевской системы.—Деморализація дворянства.—Заговоръ братьевъ Критскихъ.—Московскій кружокъ и его члены.—Намѣреніе Критскихъ.—Слѣдствіе и судъ.—Судьба осужденныхъ.

Успѣхи, достигнутые такой системой, не подлежать никакому сомнѣнію. Удалось создать, воспитать поколѣніе людей, „боявшихся Бога, чтившихъ Царя", умѣвшихъ прекрасно-дисциплинировать свой умъ, разрѣшать всякія сомнѣнія готовою формулою, избѣгать, какъ заразы, мыслей, не отвѣчающихъ взглядамъ правительства. Благодаря соотвѣтственному воспитанію, умѣлому подбору людей, въ чемъ корпусъ жандармовъ и третье отдѣленіе играли большую роль, благодаря матеріальному поощренію соотвѣтственнымъ образомъ вѣрныхъ слугъ, самодержавіе съумѣло создать вокругъ себя атмосферу вѣрности, преданности, раболѣпства. Роль высшаго дворянскаго слоя, какъ носителя западно-европейской культуры и революціонныхъ идей, послѣ разгрома декабристовъ кончилась. Умственный уровень гвардейскаго офицерства и министерскаго чиновничества настолько понизился, что изъ этой среды уже не могли выходить не только Пестели, Муравьевы, Рылѣевы, но даже Мордвиновы и Сперанскіе.

Задача воспитывать преданныхъ слугъ самодержавія особенно удалась аристократическимъ закрытымъ учебнымъ заведеніямъ, какъ мужскимъ, такъ и

женскимъ. Смольный институтъ соединилъ женскія поколѣнія русскаго дворянства въ монархическую лигу, беззавѣтно преданную династіи. Мемуары институтокъ николаевскаго времени, которыхъ сохранилось довольно много, дышатъ фанатизмомъ идолопоклонства къ императорскому трону и императорской семьѣ. Языкъ старыхъ институтокъ—невыносимо надутая, слащаво-восторженная проза, непрерывный акаѳистъ существовавшему строю. Читая эти восторженныя изліянія сентиментальныхъ душъ, мы начинаемъ понимать глубокій смыслъ и значеніе николаевской цензуры. Была среда людей, воспитанныхъ на создавшейся литературѣ, людей, для которыхъ не существовала дѣйствительность съ ея ужасами и застѣнками. Для нихъ эта литература была потребностью ума и сердца.

Мемуары мужчинъ этой эпохи не далеко ушли отъ дамской литературы. И тамъ наблюдается полная атрофія способности критиковать, неумѣніе относиться сознательно къ фактамъ дѣйствительности, способность называть бѣлое—чернымъ, черное—бѣлымъ. И они смотрятъ на возмутительнѣйшіе факты съ точки зрѣнія общечеловѣческаго нравственнаго закона и христіанской морали, какъ на вещи,—вполнѣ естественныя, обыкновенныя. Дѣлающіе карьеру царедворцы и любители хлѣбныхъ мѣстъ деморализировали Россію и, что самое страшное, въ лагерѣ враговъ народа оказались даже люди искренніе, талантливые.

Казалось, миръ и благоденствіе воцарились на Руси.

Самъ Пушкинъ, другъ и поклонникъ декабристовъ, сталъ заявлять о желаніи „вполнѣ искренно помириться съ правительствомъ“, признавая „необъятную силу правительства, основанную на силѣ вещей“. Пушкинъ находилъ даже, что правительство идетъ „впереди общества на поприщѣ образованія и просвѣщенія“. Гоголь шелъ дальше Пушкина и

приписывалъ идеалу монарха „доблести высшія, приближающія человѣка прямо къ Богу“. Жуковскій вѣрилъ въ то, что судьба Россіи заключается въ развитіи самодержавія, которое, опираясь на Божію правду, вѣрнѣе всѣхъ бумажныхъ конституцій приведетъ народъ русскій безъ всякихъ потрясеній, медлительнымъ путемъ законности къ той цѣли, къ которой всѣ земные народы стремятся—къ свободѣ, которая, по опредѣленію автора „Свѣтланы“—„ничто иное, какъ личное благоденствіе всѣхъ и каждаго, хранимое властью, не жертвуемое призраку благоденствія общаго, а его въ своемъ итогѣ производящее“.

Казалось бы, что ничего уже не могло помѣшать Николаю Павловичу осуществить свою завѣтную мечту: видѣть во всей Россіи едино стадо, управляемое единымъ пастыремъ.

Казалось бы...

Декабристы были сметены; но несметенными оказались ихъ мысли и вѣрованія. Магницкіе дѣйствовали энергично и упорно. Но имъ не удалось вырвать съ корнемъ идеи протеста. Всѣ усилія правительства въ корнѣ уничтожить революціонный духъ, разбились о непреложные, извѣстные законы исторіи. Слишкомъ крупны были фигуры Муравьева, Пестеля, Рылѣева, слишкомъ ярко блистали на русскомъ горизонтѣ звѣзды „русскихъ женщинъ“, чтобы личности героевъ не отразились въ духовномъ потомствѣ. Велики были завоеванія, сдѣланныя въ области духовной жизни Николаемъ Павловичемъ, но протестъ не могъ не проявиться. Еще не выступилъ на политическую арену великій Герценъ. Но уже объявлялись протесты.

Протестъ вспыхнулъ вокругъ московской высшей школы. Вспыхнулъ тамъ, гдѣ въ силу историческихъ законовъ не могъ не вспыхнуть.

Въ августѣ 1827 г. московскій генералъ-губернаторъ, кн. Голицынъ, сообщилъ начальнику штаба,

графу Дибичу, что имъ получено отъ подвѣдомственныхъ ему командировъ донесеніе слѣдующаго содержанія:

„11 августа на главную кремлевскую гауптвахту явился студентъ Лушниковъ. Сначала онъ заговорилъ съ караульными гренадерами и спрашивалъ ихъ, довольны-ли они своимъ ротнымъ командиромъ? Солдаты отвѣтили, что они имъ весьма довольны и любятъ своего командира. Тогда Лушниковъ подошелъ къ штабсъ-капитану Боцану и прапорщику Ковалевскому, вступилъ съ ними въ разговоръ и сообщилъ имъ по секрету, что онъ принадлежитъ къ довольно сильной политической партіи, члены которой имѣются въ Петербургѣ, Москвѣ и Сибири. Партія предполагаетъ 22 августа, въ день коронаціи, устроить революцію въ Москвѣ, а передъ тѣмъ разбросать по всему городу возмутительныя записки и „также у монумента Пожарскаго выставить, сколько было невинно повѣшенныхъ и сосланныхъ въ Сибирь“.

Лушниковъ предложилъ Боцану и Ковалевскому вступить въ его партію, о чемъ тѣ доложили немедленно по начальству. Московскій комендантъ, ген. Веревкинъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ офицерамъ „притворно согласиться и стараться всячески вывѣдывать и узнавать всѣхъ сообщниковъ и сколько возможно секретнѣе“. Офицеры исполнили порученіе и сообщили коменданту, что Лушниковъ живетъ въ Кремлѣ у дяди своего, экзекутора кремлевской экспедиціи, и что онъ обѣщалъ прійти къ нимъ въ казармы въ сопровожденіи товарища Критскаго.

Получивъ эти свѣдѣнія, Веревкинъ въ ночь съ 14 на 15 августа явился въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ и военнаго караула сначала на квартиру братьевъ Критскихъ, а затѣмъ Сушникова, и арестовалъ всѣхъ троихъ.

На другой же день генералъ-губернаторъ соста-

вилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ особую слѣдственную комиссію изъ коменданта, генерала Веревкина, ген.-адъютанта Храповицкаго, оберъ-полицеймейстера Шульгина, начальника московскаго округа жандармовъ Волкова и ст. сов. Тургенева.

Въ бумагахъ арестованныхъ не было найдено ничего подозрительнаго за исключеніемъ одной записки, на которой была написана перомъ печать съ девизомъ: „вольность и смерть тирану“.

При первомъ же допросѣ Лушниковъ не устоялъ противъ убѣжденій членовъ комиссіи и „письменно признался въ мечтательности дѣйствовать къ учрежденію конституціи“. Лушниковъ, оказавшійся сыномъ землемѣра Симбирской губерніи, воспитывался въ симбирской гимназіи и пріѣхалъ въ Москву для поступленія въ университетъ, куда не попалъ, благодаря слабому знанію латыни, но остался въ Москвѣ ожидать слѣдующаго года. На другой день Волковъ сообщилъ Бенкендорфу о Лушниковѣ:

„Онъ не скрываетъ, кажется, ничего и горько оплакиваетъ безумную дерзость, съ каковою позволялъ себѣ выраженіе оскорбительныхъ для правительства и для самой Высочайшей особы государя императора мыслей, даже въ стихахъ, имъ сочиненныхъ“. Лушниковъ показалъ, что его сообщниками были три брата Критскіе: Петръ, 21 года, служившій канцеляристомъ при 7-мъ департаментѣ сената, Михаилъ, 18 лѣтъ, студентъ, и Василій, 17 лѣтъ, тоже студентъ, архитекторскій помощникъ кремлевской экспедиціи Даніилъ Тюринъ, 19 лѣтъ, и студентъ Николай Поповъ, 18 лѣтъ, жившій тогда въ отцовскомъ имѣніи, въ Воронежской губерніи.

Всѣ они на допросѣ покаялись и дали болѣе или менѣе точныя показанія на счетъ своей организаціи и ея плановъ. Тюринъ, какъ сообщаетъ донесеніе слѣдственной комиссіи: „раскрылъ точнѣе другихъ существо предпріятія. Признаніе его болѣе рѣшительно, нежели прочихъ, коихъ, кажется, пре-

восходитъ онъ основательностью. Будучи, такъ сказать, основателями общества, въ маломъ кругу единомышленниковъ заключавшагося, они надѣялись распространить его умноженіемъ членовъ. При предположеніяхъ къ покушенію на жизнь государя императора Тюринъ спорилъ, что это не можетъ быть благомъ для отечества. Соглашались отложить сіе на десять лѣтъ и избрать по жребію изъ среды себя съ тѣмъ, чтобы исполнитель злодѣянія сокрылъ сообщниковъ самоубійствомъ".

По оговору заключенныхъ, были арестованы еще: Алексѣй Салтановъ, 20 лѣтъ, канцеляристъ 7-го департамента сената, коллежскій регистраторъ, служившій въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ, Алексѣй Матвѣевъ, 24 лѣтъ, архитекторскій помощникъ кремлевской экспедиціи, коллежскій регистраторъ, Петръ Таманскій, 17 лѣтъ, и студентъ университета Алексѣй Роговъ, 22 лѣтъ. Аресотъ всѣхъ этихъ молодыхъ людей произвелъ больше впечатлѣніе въ Москвѣ. Начальникъ округа жандармовъ Волковъ доносилъ Бенкендорфу: „Одни говорятъ, что это—остатки послѣдствій 14-го декабря и что уповательно должно быть въ связи съ сосланными. Другіе приписываютъ оное къ броженію ихъ и ложному понятію истиннаго образованія. Въ одномъ дѣлѣ говорили: „Какъ-то и гдѣ будутъ этихъ бездѣльниковъ, наказывать?"

„Я думаю,—сказалъ нѣкто,—что ихъ повѣсятъ, да и хорошо бы было: это послужило бы примѣромъ инымъ ученымъ. Вотъ вамъ просвѣщеніе! Еслибъ кончили воспитаніе Критскихъ русскою грамотою да ариѳметикою, и пошли они по той же дорогѣ, по которой шелъ отецъ, кондитеръ, то этого бы имъ и въ голову не пришло". „Нѣтъ,—сказалъ другой,—я бы не сталъ ихъ вѣшать; это слишкомъ коротко; а сколько есть въ Москвѣ перекрестковъ, то на всякомъ давалъ бы имъ нѣсколько ударовъ розгами или плетьми, чтобъ подолѣе прожили и

подолѣе промучились, а между тѣмъ и всякой бы то увидѣлъ".

Радуя сердце начальника разговорами, подслушанными, очевидно, въ курительной комнатѣ жандармскаго управленія, комиссія продолжала свое дѣло и на основаніи оговора заключенныхъ арестовала еще: Николая Тюрина, мальчика 16 лѣтъ, чиновника Петра Пальмина, 22 лѣтъ, жившаго въ имѣніи матери, въ Тамбовской губерніи, канцеляриста Алексѣя Шахларева, 19 лѣтъ, и подпрапорщика 6-го Карабинернаго полка, Порфирія Курилова, 18 лѣтъ. Впослѣдствіи были арестованы въ качествѣ соучастниковъ: книгопродавецъ, купеческій сынъ Иванъ Кольчугинъ и четыре служащихъ въ кремлевской экспедиціи: коллежскій регистраторъ Алексѣй Тимофѣевъ, титулярный совѣтникъ Алексѣй Гонбурцевъ и канцеляристы: Александръ Носовъ и Александръ Пашковъ.

Исторія общества братьевъ Критскихъ не отличается сложностью. Въ январѣ 1827 г. Лушниковъ сталъ бывать въ ихъ домѣ и вести съ ними разговоры на отвлеченныя темы. Между прочимъ, разъ какъ-то Михаилъ Критскій, „восхваляя конституціи Англіи и Гишпаніи, представлялъ несчастнымъ тотъ народъ, который состоитъ подъ правленіемъ монархическимъ, и называлъ великими преступниковъ 14-го декабря, говоря, что они желали блага своему отечеству". Вслѣдъ затѣмъ Критскіе открыли Лушникову „тайное желаніе видѣть Россію подъ конституціоннымъ правленіемъ съ увѣреніями пожертвовать для того самою жизнію".

Постепенно Лушникова познакомили съ другими членами кружка: Тюринымъ и Поповымъ. Тюринъ находилъ, что необходимо „стараться о пріобрѣтеніи членовъ, и ежели время усилить ихъ, то принять рѣшительныя мѣры въ разсужденіи государя. Если не дастъ конституціи, то принудить силою". Было предположено вербовать членовъ средп студенчества,

а въ предсѣдатели общества избрать А. С. Пушкина. Но Лушниковъ возражалъ противъ послѣдняго предположенія, говоря, что „Пушкинъ предался нынѣ большому свѣту и думаетъ болѣе о модахъ и остренькихъ стишкахъ, нежели о благѣ отечества". Оба проекта были отвергнуты.

На вопросъ комиссіи: „почему цареубійство было отсрочено на десять лѣтъ?" Лушниковъ отвѣчалъ: „потому что каждому хотѣлось пожить и для родныхъ, и дабы видѣть плоды своего предпріятія".

Лѣтомъ, незадолго до ареста, Михаилъ Критскій подалъ мысль написать прокламаціи и разбросать ихъ по городу, но это было найдено опаснымъ и отклонено. Было рѣшено воспользоваться тѣмъ, что Лушниковъ и Критскіе живутъ въ Кремлѣ, и стараться войти въ сношеніе съ караульными солдатами. Лушникову удалось распропагандировать одного изъ нихъ, Франка Кушнерюка.

Вскорѣ опять возникла мысль о прокламаціяхъ. На этотъ разъ инициатива принадлежала Лушникову. Онъ предложилъ обратиться къ московскимъ гражданамъ съ воззваніемъ о томъ, что пора учредить конституціонное правленіе. Василію Критскому понравилось это, и онъ сказалъ: „Мысль хороша, но предпріятіе опасно, ибо могутъ дознаться по почерку руки. А хорошо бы было достать или самимъ сдѣлать буквы для печатанія".

Послѣднее предложеніе было признано невозможнымъ для осуществленія. Тюринъ предложилъ написать прокламацію перомъ подъ печать. Было рѣшено положить ее на пьедесталѣ памятника Минину и Пожарскому 22-го августа, въ день празднованія годовщины коронаціи. Это порученіе должны были выполнить по жребію два младшихъ Критскихъ или Лушниковъ.

„Заговорщики" надѣялись, что ихъ поддержитъ, а, можетъ быть, и станетъ во главѣ предпріятія генералъ Ермоловъ, обиженный императоромъ, разсчиты-

вали также на симбирскаго предводителя дворянства, князя Баратаева, и на генерала Ивашева, отца декабриста.

Петръ Критскій показалъ, что любовь къ независимости и отвращеніе къ монархическому правленію возбудились въ немъ благодаря вліянію Пушкина и Рылѣева. Подъ угломъ зрѣнія обоихъ поэтовъ онъ изучалъ эпоху декабристовъ и преисполнился негодованіемъ къ режиму, пославшему на смерть и каторгу лучшихъ русскихъ людей, убѣжденія которыхъ онъ всецѣло раздѣлялъ. Братья Критскіе внушили свои чувства и Попову. Послѣдній увѣрялъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что усиливаетъ горящій въ нихъ всѣхъ пламень ненависти къ государю.

Вообще, въ кружкѣ относились съ большимъ уваженіемъ къ декабристамъ. Тюрпинъ и Михаилъ Критскій говорили въ Кремлевскомъ саду Гонбурцеву, котораго они хотѣли сдѣлать своимъ единомышленникомъ, что „люди, находившіеся въ тайныхъ обществахъ, истинно-добродѣтельные, желавшіе блаженства своей родинѣ, что они неоспоримо заслуживаютъ вѣчную славу и что наказаны чрезвычайно жестоко“.

Въ кружкѣ говорилось о притѣсненіи крестьянъ, о чрезвычайно деспотическомъ обращеніи съ солдатами. Говорилось также, почему государь самъ не вздумаетъ ограничить свою власть.

Николай Павловичъ, внимательно прочитавъ отчетъ комиссіи, пожелалъ узнать, какое образованіе получили шестеро главныхъ обвиняемыхъ. Оказалось, что, кромѣ Лушникова, всѣ они были людьми, или кончившими, или заканчивающими высшее образованіе. Этого было достаточно, чтобы приказать министру народнаго просвѣщенія, кн. Ливену, строжайше наблюдать за гимназіями и университетами.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, братья Критскіе и ихъ сообщники общества, въ точномъ смыслѣ

этого слова, не составили. У нихъ просто былъ кружокъ знакомыхъ, съ которыми они бесѣдовали о разныхъ предметахъ и въ томъ числѣ о преимуществахъ того или другого образа правленія...

За намѣреніе стремиться къ введенію конституціоннаго правленія, желаніе возбуждать солдатъ къ бунту, написать прокламацію и положить ее на монументѣ Минина и Пожарскаго—шесть главныхъ обвиняемыхъ приговорены: Лушниковъ и Петръ Критскій къ заключенію въ Шлиссельбургскую крѣпость, Михаилъ и Василій Критскіе—въ Соловецкій монастырь, Поповъ и Данилъ Тюринъ—въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Изъ нихъ „соучастниковъ“: Салтановъ отправленъ на службу въ Оренбургъ, Таманскій—въ Пермь, Николай Тюринъ—въ Вятку, Пальминъ—въ Вологду. Ихъ вина заключалась въ томъ, что, напримѣръ, Салтановъ въ разговорѣ съ Критскимъ соглашался съ нимъ, что въ Россіи войско содержится строго, и что непріятельскій уронъ описывается, а о нашемъ умалчивается.

По отношенію къ Гонбурцеву, Тимофѣеву, Носову и Пашкову послѣдовала резолюція: „всѣхъ простить но изъ кремлевской экспедиціи уволить и употребить на службу внѣ Москвы, по отношенію къ Кольчинену и Рогову—велѣть избрать родъ службы и отправить, гдѣ быть подъ строгимъ присмотромъ“.

Прощены: Матвѣевъ и Шахларевъ. Послѣдній объяснилъ, что онъ старался выведать отъ Лушникова тайну его сердца съ тѣмъ, чтобы, донеся начальству, получить названіе Вѣрнаго. Очевидно, ему не давали спать лавры Шервуда-Вѣрнаго.

Пальминъ прожилъ въ Вологдѣ меньше мѣсяца и, простудившись въ дорогѣ, умеръ 8-го февраля 1828 г.

Лушниковъ и Петръ Критскій содержались сначала въ Шварттольмской крѣпости, затѣмъ въ Кексгольмской и Нейшлотской. Въ 1836 г., по хода-

тайству оренбургскаго генералъ-губернатора, подъ начальствомъ котораго служилъ его отецъ, онъ былъ назначенъ матросомъ въ 10-ый флотскій экипажъ, гдѣ черезъ годъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и только въ 1839 г. онъ былъ переведенъ въ 3-ій линейный батальонъ въ Оренбургъ. Въ мартѣ 1841 г. онъ получилъ чинъ коллежскаго регистратора, но съ оставленіемъ на службѣ въ Оренбургѣ. Онъ былъ опредѣленъ въ канцелярію генералъ-губернатора и въ 1847 г. вышелъ въ отставку по болѣзни. Двадцать лѣтъ наказанія не вполнѣ удовлетворили правительство. За Лушниковымъ былъ учрежденъ полицейскій надзоръ, и ему было воспрещено выѣзжать изъ предѣловъ губерніи. Онъ былъ возстановленъ въ правахъ только по манифесту 26 августа 1856 г. Василій Критскій былъ переведенъ изъ Соловецкаго монастыря, куда на смѣну его посланъ Поповъ, въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ умеръ въ 1831 г., въ казематѣ „отъ изнурительной лихорадки".

Михаилъ Критскій въ 1834 г. былъ переведенъ рядовымъ въ 5-й Черноморскій батальонъ, въ Мингрелію, гдѣ погибъ въ битвѣ съ лезгинами. Петръ Критскій оказался въ томъ же году тоже на Кавказѣ, въ рядовыхъ 5-го Финляндскаго батальона. Въ 1839 г. онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Мать ссыльныхъ осаждала своими прошеніями государя, и въ половинѣ 1841 г. на ея третью просьбу о прощеніи послѣдняго оставшагося у нея въ живыхъ сына послѣдовала резолюція: „перевести въ 6-й корпусъ" и только на слѣдующій годъ, по четвертой просьбѣ 80-ти-лѣтней старухи, Петра уволили въ отставку и возвратили ему чинъ коллежскаго регистратора, но безъ права жительства въ столицахъ. Только въ 1855 г., въ виду коронаціи, ему было разрѣшено пріѣхать въ Москву лѣчиться, такъ какъ безъ помощи врачей онъ рисковалъ остаться слѣпымъ.

Даніилъ Тюринъ въ 1839 г. тоже былъ переведенъ рядовымъ на Кавказъ, гдѣ оказалъ подвигъ храбрости. Въ 1843 г., по ходатайству сестры, онъ былъ уволенъ въ отставку и отправленъ на житье въ Коломну подъ надзоръ. Въ 1855 г. переѣхалъ въ Одессу, гдѣ служилъ въ комитетѣ объ иностранныхъ поселенцахъ, и только на основаніи коронаціоннаго манифеста былъ освобожденъ изъ-подъ надзора.

Поповъ, проживъ восемь лѣтъ въ казематахъ Соловецкаго монастыря, былъ отправленъ рядовымъ на Кавказъ. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна.

„Заговоръ“ братьевъ Критскихъ представляетъ собою послѣдніе слѣды движенія, возникшаго въ концѣ XVIII столѣтія и выражавшагося въ организованіи тайныхъ обществъ, стремившихся къ замѣнѣ въ Россіи самодержавія конституціоннымъ строемъ. Вслѣдъ за Критскими были и другія отдѣльныя попытки. Мы знаемъ еще, что 28 марта былъ утвержденъ главнокомандующимъ 1-ю арміею, графомъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакеномъ, приговоръ надъ поручикомъ Полтавскаго пѣхотнаго полка Усовскимъ, судившимся за принадлежность къ злоумышленному тайному обществу. Онъ былъ лишенъ всѣхъ чиновъ и дворянскаго достоинства, „съ переломленіемъ предъ полкомъ черезъ палача надъ головою его шпаги“, и сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу на 20 лѣтъ, „съ оставленіемъ по истеченіи сего времени тамъ на поселеніи“.

Въ томъ же году, 5 іюня, капитанъ Литовскаго піонернаго батальона Игельстромъ и поручикъ того же батальона Вегелинъ „за принадлежность къ тайнымъ обществамъ, намѣреніе возмутить батальонъ и уклоненіе отъ присяги на вѣрное подданство его императорскому величеству, по лишеніи чиновъ и дорянскаго достоинства и по переломленіи черезъ палача надъ головами ихъ шпаги“ были сосланы въ каторжныя работы на 10 лѣтъ, „съ оставленіемъ потомъ въ Сибири на поселеніи“. Подпо-

ручикъ того же батальона Петровскій и прапорщикъ Воеховичъ за участіе въ преступныхъ намѣреніяхъ первыхъ двухъ и поручики Несвижскаго карабинернаго полка Вильканецъ и Гофманъ за то, что, зная объ этихъ намѣреніяхъ, не донесли о томъ начальству, были лишены чиновъ и дворянскаго достоинства,—заключены въ крѣпость на шесть мѣсяцевъ, послѣ чего были сосланы рядовыми въ кавказскій отдѣльный корпусъ. Гофманъ обвинялся также въ составленіи между офицерами тайнаго общества „военныхъ друзей", учрежденіи изъ его членовъ комитета и предсѣдательствованіи въ немъ. Судя по сравнительной мягкости наказанія, которому подвергся Гофманъ, надо полагать, что имъ было учреждено общество любителей шахматной игры или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Непреклонная воля Николая Павловича стремилась уничтожить въ корнѣ всякую попытку революціонизировать не только массы, но и отдѣльные умы. Декабристы пытались провести революцію черезъ посредство войскъ и погибли. Критскіе оперировали съ рукописными прокламаціями—и тоже были изъяты изъ жизни. Николай Павловичъ не ждалъ развитія дѣйствій. Онъ не ждалъ ростковъ и вырывалъ корень.

Послѣ побѣды режима надъ Критскими прошло цѣлыхъ 22 года, за время которыхъ самодержавному режиму ничто не угрожало.

Черезъ 22 года послѣ Критскихъ чины и агенты охраны наткнулись на „преступное сообщество", которое, естественно, за неимѣніемъ лучшаго, раздули до степени серьезнѣйшаго заговора, имѣвшаго цѣлью „ниспроверженіе существующаго строя".

Во главѣ этого „заговора" услужливое 3-е отдѣленіе поставило молодого чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевскаго.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи читатели ознакомятся

съ фактической стороной „процесса Петрашевцевъ“. Сейчасъ важно отмѣтить, что въ этомъ процессѣ дѣйствующими лицами явились извѣстные и дорогіе всѣмъ намъ люди: Ахшарумовъ, Бѣлинскій, Благосвѣтловъ, Николай Данилевскій, Достоевскій, Дуровъ, Аполлонъ и Валеріанъ Майковы, Пальмъ, Плещеевъ, Салтыковъ (Щедринъ). Всѣ эти лица группировались вокругъ Петрашевскаго, высоко чтили духовный и нравственный авторитетъ М. В. Они собирались у Петрашевскаго по пятницамъ и толковали въ предѣлахъ строго-научныхъ политико-экономическихъ идей.

Самъ Петрашевскій былъ, несомнѣнно, соціалистомъ, первымъ русскимъ соціалистомъ. Но всѣ усилія слѣдственной комиссіи не съумѣли облечь въ форму противузаконнаго факта хотя бы одно дѣйствіе М. В. Фактовъ не было—были одни только разсужденія. Не было даже сообщества, ибо въ моментъ, когда 3-му отдѣленію показалось, что оно достаточно освѣдомлено относительно кружка Петрашевскаго, участникамъ „пятницъ“ не удалось еще столковаться на почвѣ какой-нибудь общей политической программы.

Петрашевскій погрузился въ изученіе теоріи западно-европейскихъ соціалистовъ. „Фаланстеры“ Фурье, „Икарія“ Кабе, „Нью-Ланаркъ“ Оуэна, „Банкъ“ Прудона „Государство“ Томаса Мура *)— все это привлекло къ себѣ вниманіе пытливаго изслѣдователя существа общественныхъ формъ, все это являлось темой горячихъ и страстныхъ споровъ на „пятницахъ“ Петрашевскаго.

Все это—и... ничего больше. И ,тѣмъ не менѣе, слишкомъ услужливые приспѣшники режима не преминули возвести все это въ степень колоссальнѣй-

*) Всѣ подробности о „системахъ“ упомянутыхъ лицъ, см. А. Фогтъ, „Соціальныя утопіи“, „Политич. Библ.“ „Бирж. Вѣд“ за 1907 г. *Ред.*

шаго государственнаго заговора, до того важнаго по своему существу, значенію и послѣдствіямъ, что, несмотря на полнѣйшее отсутствіе уличающихъ фактическихъ данныхъ, спеціальный судъ нашелъ необходимымъ приговорить 21 человѣка къ смертной казни.

Впрочемъ, спеціальный судъ принялъ къ разсмотрѣнію важный уголовный документъ. Это былъ... составленный Петрашевскимъ подъ псевдонимомъ Кириллова... „Словарь иностранныхъ словъ“.

Въ „словахъ“ Кириллова имѣется, несомнѣнно, руководящая идея: эта идея—не разрушеніе, а созиданіе. Петрашевскій мечтаетъ о всеобщемъ братствѣ и солидарности, о гармоніи общественныхъ отношеній, о постоянномъ прогрессѣ и совершенствѣ человѣческихъ и общественныхъ формъ. Составляемый подъ непосредственнымъ вліяніемъ „Завѣтовъ вѣрующаго“ („Paroles d'un croyant“) Ламеннэ, „Словарь“ пытался пересадить на русскую почву знаменитый вольтеровскій „Философскій словарь“ (Dictionnaire philosophique). Правда, это была страстная проповѣдь. Но не больше, какъ проповѣдь, способная революціонизировать мысль, но не призывающая къ „выступленіямъ“.

Императоръ Николай I измѣнилъ бы себѣ, если бы не обрушился со всей силой располагаемыхъ имъ средствъ устрашенія на людей, которые рѣшили „смѣть свое сужденіе имѣть.“ Николай Павловичъ не считался съ тѣмъ, что въ дѣло замѣшались лучшіе русскіе умы, гордость и слава Россіи. Неукротимый въ своихъ желаніяхъ и безпредѣльный въ своей власти, онъ считалъ несчастіемъ для Россіи все, что шло въ разрѣзъ съ его взглядами на благо Россіи. Всѣхъ, несогласныхъ съ его мнѣніемъ, онъ считалъ плевелами, кои слѣдуетъ отдѣлять отъ пшеницы. Такъ онъ посмотрѣлъ и на петрашевцевъ.

Очень возможно, что, случись „дѣло Петрашевцевъ“ въ иное время, самъ Николай Павловичъ от-

несся бы къ подсудимымъ снисходительнѣе. Но автократизмъ Николая I до глубины души былъ возмущенъ событіями 1848 г. Народы, поднявшіеся на своихъ монарховъ, были въ глазахъ Николая I чудовищами. А тутъ ему пришлось столкнуться у себя подъ бокомъ съ людьми, не признававшими божественности самодержавнаго начала. И Николай Павловичъ пожелалъ явить народамъ Европы образчикъ того, какъ помазанники Божіи должны относиться къ крамольникамъ.

Николай Павловичъ зналъ, что его воля—законъ. И приспѣшники государя, отнюдь не носившіе въ себѣ сознанія одухотворявшей ихъ господина идеи и исполнявшіе безпрекословно всѣ приказанія во имя личныхъ выгодъ, сдѣлали то, что не имѣетъ себѣ въ исторіи примѣра: постановили свой знаменитый приговоръ о „21 петрашевцахъ".

Опубликованный 22 декабря 1849 г. приговоръ по дѣлу Петрашевича начинается слѣдующими словами:

„Пагубныя ученія, народившія смуты и мятежи во всей Западной Европѣ и угрожающія ниспроверженіемъ всякаго порядка и благосостоянія народовъ, отозвались, къ сожалѣнію, въ нѣкоторой степени и въ нашемъ отечествѣ.

„Но въ Россіи, гдѣ святая вѣра, любовь къ монарху и преданность къ престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа, и доселѣ хранятся непоколебимо въ сердцѣ каждаго, только горсть людей, совершенно ничтожныхъ, большею частью молодыхъ и безнравственныхъ, мечтала о возможности попрать священныя права религіи, закона и *собственности*. Дѣйствія злоумышленниковъ могли бы только тогда получить опасное развитіе, если бы бдительность правительства не открыла зла въ самомъ началѣ.

„По произведенному изслѣдованію обнаружено, что служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ

титулярный совѣтникъ Буташевичъ-Петрашевскій возымѣлъ замыселъ на ниспроверженіе нашего государственнаго устройства съ тѣмъ, чтобы основать оное на безначаліи"...

Буташевичъ-Петрашевскій былъ сыномъ отрѣшеннаго отъ должности петербургскаго штадтъ-физика, который, умирая, оставилъ своему семейству приличное состояніе изъ имѣнія въ 8 тыс. дес. въ Петербургскомъ уѣздѣ, двухъ домовъ въ С.-Петербургѣ и т. д.

Петрашевскій воспитавшійся въ царскосельскомъ лицеѣ, въ этомъ питомникѣ благонамѣренныхъ чиновниковъ, но велъ себя тамъ очень странно. Достаточно сказать, что изъ всего выпуска 1839 г. когда онъ кончилъ курсъ, одинъ онъ былъ выпущенъ... съ чиномъ XIV кл. Академикъ Веселовскій, изъ воспоминаній котораго заимствуемъ эту подробность, спѣшитъ добавить, что этотъ „позоръ" случился вовсе не благодаря малоуспѣшности лицеиста. Наоборотъ, онъ отличался блестящими способностями.

По окончаніи лицея Петрашевскій поступилъ на юридическій факультетъ университета и черезъ два года былъ удостоенъ званія кандидата юридическихъ наукъ. Поступивъ затѣмъ на службу въ департаментъ внутреннихъ сношеній министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ сразу сталъ шокировать начальство и корректныхъ товарищей оригинальными манерами. Онъ появлялся обыкновенно въ широкомъ плащѣ, большой необыкновенной шляпѣ съ широкими полями, носилъ длинные волосы. На странности Петрашевича обратилъ вниманіе самъ директоръ департамента и поручилъ одному изъ чиновниковъ внушить ему, что неприлично являться на службу съ такою необыкновенною шевелюрою. На слѣдующій день Петрашевскій, несмотря на дружеское внушеніе товарища, явился опять со своею шевелюрою. Это вывело изъ себя директора, и онъ

обратился къ Петрашевскому съ вопросомъ: почему онъ не постригся?... „Чтобы угодить вамъ, я даже побрился“,—отвѣчалъ Петрашевскій, приподнимая парикъ и показывая совершенно голый черепъ.

Будучи довольно состоятельнымъ человѣкомъ, онъ жилъ въ высшей степени скромно, даже бѣдно, и всѣ свои средства тратилъ на выписку и покупку иностранныхъ книгъ. Онъ увлекался политико-экономическими науками, изучалъ теоріи и системы сенсимонизма, коммунизма, кабетизма, фурьеризма и т. д. Для самообразованія и обмѣна мыслей по поводу прочитаннаго онъ завелъ у себя по пятницамъ журфиксы, на которыхъ собиралось по пятидесяти человѣкъ: „молодыхъ и пожилыхъ, военныхъ и статскихъ“.

Нѣкто Петровъ въ письмѣ къ своему знакомому отъ 1 декабря 1848 г., перечисляя удовольствія петербургской жизни, говоритъ о проповѣдяхъ Нильсона, фельетонахъ Плещеева и „пропагандѣ Петрашевскаго“. Академикъ Веселовскій пишетъ въ упомянутыхъ выше воспоминаніяхъ, что ему пришлось быть на одной изъ „пятницъ“ Петрашевскаго. Онъ увидѣлъ тамъ по преимуществу молодежь, офицеровъ, юнкеровъ. Въ обществѣ не было никакого единства, ни въ мысляхъ, ни въ направленіи мыслей, о чемъ-то толковали, спорили. Академикъ соскучился и ушелъ домой. Къ своему счастью, онъ не пошелъ къ товарищу по лицею другой разъ и потому не попалъ въ списокъ друзей Петрашевскаго. Оказалось, что какъ разъ тогда собранія сталъ посѣщать подъ видомъ участника одинъ изъ членовъ третьяго отдѣленія, записывавшій старательно и фамиліи участниковъ, и содержаніе рѣчей, произносимыхъ тамъ.

Изъ всѣхъ соціальныхъ теорій первой половины прошлаго вѣка на Петрашевскаго сильнѣе всего повліяли теоріи Фурье. *)

*) Сущность теорій Фурье. см. „Политическая Библіотека Бирж. Вѣд.“: Проф. А. Фохтъ, „Соціальныя утопіи.“ *Ред.*

Остановившись на фурьеризмѣ, Петрашевскій сталъ ревностно пропагандировать это ученіе. Онъ завелъ спеціальную библіотеку для раздачи книгъ, кому можно, знакомымъ и полузнакомымъ. Не довольствуясь интеллигентною средою, онъ, по свидѣтельству того же Веселовскаго, устраивалъ у себя собранія дворниковъ, мастеровыхъ, что-то разъяснялъ имъ, произносилъ какія-то рѣчи.

Установлено оффиціально, что кружокъ Петрашевскаго насчитывалъ свыше 300 членовъ. Онъ является такимъ образомъ не только первымъ русскимъ соціалистомъ, но и первый велъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ пропаганду среди разныхъ слоевъ общества. Появленіе этого кружка открываетъ новую эпоху въ исторіи общественнаго движенія въ Россіи.

Петрашевцы относились отрицательно не только къ русскому самодержавію, но и къ западно-европейскому конституціонализму. Въ „Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ“, изданномъ Петрашевскимъ, встрѣчаются часто нападки на конституціонный образъ правленія, который онъ называетъ „аристократіей богатства“. Особенно его возмущаютъ высокій избирательный цензъ и отсутствіе подачи голосовъ.

На собраніяхъ у Петрашевскаго одни члены кружка прямо высказывались за республику, другіе допускали, какъ переходную форму, конституціонное правленіе, для третьихъ конечнымъ идеаломъ было совершенное исчезновеніе европейскаго государственнаго строя съ его министрами, государями, войскомъ и столицами, и замѣна его небольшими общинами по планамъ Фурье. У петрашевцевъ были нѣкоторыя связи съ провинціей, Ревелемъ и Ростовомъ. Флеровскій отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что къ нимъ, въ Казань, пріѣхало три человѣка изъ петербургскихъ кружковъ, основанныхъ Це-

трашевскимъ, и въ самомъ скоромъ времени пріобрѣли въ университетѣ большое вліяніе.

Самъ Петрашевскій былъ несомнѣнно человѣкомъ революціоннаго темперамента. Одинъ изъ его товарищей такъ характеризуетъ его: „это былъ человѣкъ сильной души, крѣпкой воли, много трудившійся надъ саморазвитіемъ, всегда углубленный въ чтеніе новыхъ сочиненій и неустанно дѣятельный".

Другимъ выдающимся членомъ кружка былъ Спѣшневъ; онъ былъ однимъ изъ наиболѣе радикальныхъ членовъ кружка и стремился перейти изъ области разговоровъ къ практической дѣятельности. Вмѣстѣ со студентомъ Филипповымъ онъ задумалъ завести у себя тайную типографію и даже пріобрѣлъ нѣкоторыя типографскія принадлежности.

Когда, наконецъ, третье отдѣленіе, слѣдившее при помощи своихъ агентовъ за дѣятельностью кружка, признало своевременнымъ положить конецъ его существованію и переарестовало его участниковъ, то все-таки въ его распоряженіи не имѣлось никакихъ фактовъ, дающихъ возможность предъявить къ Петрашевскому и его друзьямъ какое-либо опредѣленное обвиненіе. Не помогла особенная секретная слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Набокова, состоявшая изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, князя Гагарина, генералъ-лейтенанта Дубельта и генералъ-адъютантовъ: князя Долгорукова 1-го и Ростовцева. Никакихъ фактовъ комиссія не обнаружила, такъ какъ фактовъ и не было.

Буташевичъ-Петрашевскій былъ послѣдователемъ ученія Фурье. Для обсужденія и выясненія различныхъ деталей этой теоріи онъ устраивалъ собранія людей подобнаго образа мыслей, но дальше теоретическихъ разсужденій надъ преимуществами государственнаго строя по формулѣ, предложенной Фурье, у нихъ дѣло не пошло. Они обсуждали вопросъ о необходимости насильственнаго ниспровер-

женія существующаго порядка вещей, толковали о мѣрахъ, какія слѣдовало бы предпринять съ этою цѣлью, но и только. Мысли и слова—вотъ все, что могла представить слѣдственная комиссія въ качествѣ матеріала, уличающаго государственныхъ преступниковъ.

Въ запискахъ барона Корфа, принимавшаго близкое участіе въ трудахъ комиссіи, находимъ замѣчательное описаніе этого дѣла.

Петрашевскій, по его словамъ, былъ человѣкъ „полуумный и чрезвычайно дерзкій". Онъ стремился къ измѣненію существующаго строя и устройству монархіи по образцу западно-европейскихъ. Онъ приготовлялъ къ этому умы посредствомъ распространенія коммунистическихъ и соціалистическихъ сочиненій, различныхъ рѣчей и порицанія всего существующаго. Въ числѣ участниковъ не встрѣчалось ни одного знаменитаго имени, ни одного лица съ извѣстностью въ какомъ-нибудь родѣ (за исключеніемъ инженеръ-поручика Достоевскаго, пользовавшагося извѣстностью своими повѣстями). Учителя, мелкіе чиновники, молодые люди большею частью маловѣдомыхъ фамилій.

„Покушенія или приготовленія къ бунту въ настоящемъ смыслѣ этого слова съ достовѣрностью открыто не было, и все представляло скорѣе видъ безумія, нежели преступленія. Впрочемъ, заговоръ имѣлъ развѣтвленія въ Москвѣ и Сибири, гдѣ скитался подпоручикъ Черносвитовъ, заподозрѣнный въ намѣреніи возмутить Уралъ, а оттуда двинуться на востокъ. Члены комиссіи называли это дѣло заговоромъ идей, чѣмъ и объясняется трудность дальнѣйшихъ раскрытій, ибо если можно обнаружить факты, то какъ уличить въ мысляхъ, когда онѣ не осуществлены еще никакими проявленіями, никакимъ переходомъ въ дѣйствіе... Государь же удостоилъ ихъ чести предать ихъ верховному уголовному суду и образовалъ для суда смѣшанную комиссію

изъ 3 генералъ-адъютантовъ и 3 сенаторовъ подъ предсѣдательствомъ оренбургскаго генералъ-губернатора Перовскаго, которая и присудила къ смертной казни 21 подсудимаго...“

По наивному цинизму вышеприведенныя слова Корфа не имѣютъ себѣ ничего равнаго въ литературѣ міра. Восемнадцать съ половиною вѣковъ тому назадъ римскій проконсулъ предалъ смертной казни одного только невиннаго и имя этого проконсула клеймитъ ежедневно позоромъ весь христіанскій міръ въ Символѣ Вѣры. Николаевскій судъ отправляетъ на эшафотъ 21 неповиннаго человѣка, искавшаго истины, и баронъ Корфъ, несомнѣнно христіанинъ, соболѣзнуетъ... о судьяхъ... Имъ, дескать, трудно было раскрыть дѣло, ибо если можно обнаруживать факты, то какъ уличать въ мысляхъ!

Совершалось страшное, самое возмутительное изъ преступленій, какія знаетъ родъ человѣческій: преданіе невинныхъ смертной казни по суду, и баронъ Корфъ (впослѣдствіи графъ) толкуетъ объ этомъ, какъ о вещи, самой естественной, самой обыкновенной. У него хватаетъ духу острить по поводу этого дня, глумиться надъ осужденными...

Итакъ, 21 человѣкъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Буташевичъ-Петрашевскій обвинялся въ томъ, что „для распространенія своихъ преступныхъ намѣреній онъ собиралъ у себя въ назначенные дни молодыхъ людей разныхъ сословій. Богохуленіе, дерзкія слова противъ священныя особы государя императора, представленіе дѣйствій правительства въ искаженномъ видѣ и порицаніе государственныхъ лицъ“—вотъ тѣ орудія, которыя употреблялъ Петрашевскій для возбужденія своихъ посѣтителей. „Въ концѣ 1848 г. онъ приступилъ къ образованію независимо отъ своихъ собраній тайнаго общества, дѣйствуя заодно съ поручикомъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка Момбелли, штабсъ-капитаномъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка

Львовымъ 2-мъ и неслужащимъ дворяниномъ Спѣшневымъ. Изъ нихъ Момбелли предложилъ учрежденіе тайнаго общества подъ названіемъ „тайнаго товарищества“, или „братства взаимной помощи и людей превратныхъ мнѣній“. Львовъ опредѣлилъ составъ общества, а Спѣшневъ написалъ планъ для произведенія общаго возстанія въ государствѣ“.

Генералъ-аудиторіатомъ были приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе 1) Михаилъ Буташевичъ-Петрашевскій (28 лѣтъ), 2) неслужащій дворянинъ Николай Спѣшневъ (28 лѣтъ), 3) лейбъ-гвардіи Московскаго полка поручикъ Николай Момбелли (26 лѣтъ), 4) лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго полка поручикъ Николай Григорьевъ (27 лѣтъ), 5) лейбъ-гвардіи Егерскаго полка штабсъ-капитанъ Ѳедоръ Львовъ 2-й (25 лѣтъ), 6) студентъ с.-петербургскаго университета Николай Филипповъ (25 лѣтъ), 7) состоящій при азіатскомъ департаментѣ въ учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ, кандадатъ Дмитрій Ахшарумовъ (26 лѣтъ), 8) приватный слушатель въ с.-петербургскомъ университетѣ Александръ Ханыковъ (23 лѣтъ), 9) отставной коллежскій ассесоръ Сергѣй Дуровъ (33 лѣтъ), 10) отставной инженеръ-поручикъ Ѳедоръ Достоевскій (27 лѣтъ), 11) служащій въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ колл. сов. Константинъ Дебу 1-й (39 лѣтъ), 12) служащій тамъ же губернскій секретарь Ипполитъ Дебу 2-й (25 лѣтъ), 13) учитель русской словесности, не имѣющій чина Феликсъ Толль (26 лѣтъ), 14) помощникъ инспектора классовъ въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ, тит. сов. Иванъ Ястржембскій (35 лѣтъ), 15) неслужащій дворянинъ Алексѣй Плещеевъ (23 лѣтъ), 16) служащій въ азіатскомъ департаментѣ тит. сов. Николай Кашкинъ (20 лѣтъ), 17) состоящій при департаментѣ министерства юстиціи тит. сов. Василій Головинскій (20 лѣтъ), 18) лейбъ-гвардіи Егерскаго полка пору-

чикъ Александръ Пальмъ (26 лѣтъ), 19) служащій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ чиновникъ для особыхъ порученій тит. сов. Константинъ Тимковскій (34 лѣтъ), 20) отставной колл. секр. Александръ Европеусъ (22 лѣтъ) и 21) московскій мѣщанинъ Петръ Шапошниковъ. Отставного подпоручика Черносвитова рѣшено оставить въ сильномъ подозрѣніи и отправить на жительство въ Кексгольмскую крѣпость, что же касается сына почетнаго гражданина Катенева, сошедшаго съ ума во время производства слѣдствія, то его было рѣшено предать суду въ случаѣ выздоровленія.

„По представленному его величеству послѣ пятимѣсячныхъ самыхъ тщательныхъ разысканій докладу комиссіи, всѣ лица, кои оказались вовлеченными въ преступные замыслы, или случайно, или по легкомыслію посредствомъ другихъ, были по высочайшему повелѣнію освобождены отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія.“

Обвинительные пункты по отношенію къ нѣкоторымъ приговореннымъ къ смертной казни прямо удивительны.

Такъ, Пальмъ осужденъ на смерть: „за посѣщеніе собраній Петрашевскаго и Дурова и за недоведеніе до свѣдѣнія правительства о слышанныхъ тамъ преступныхъ разговорахъ“, Головинскій: „за возмутительные въ высшей степени разговоры противъ правительства на собраніяхъ у Петрашевскаго“, Европеусъ: „за предположеніе составить общую для круга соучастниковъ библіотеку запрещенныхъ сочиненій“, Достоевскій: „за участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе одного частнаго письма, наполненнаго дерзкими выраженіями противъ православной церкви и верховной власти, и за покушеніе къ распространенію посредствомъ домашней литографіи сочиненій противъ правительства.“

Приговоръ надъ петрашевцами предполагалось привести въ исполненіе въ Петербургѣ, на Семенов-

скомъ плацу. Въ 8 час. утра подсудимыхъ вывезли изъ крѣпости на возкахъ, каждаго сопровождалъ рядовой внутренней стражи. По обѣ стороны и впереди стали жандармы. На плацу была устроена платформа и поставлены три столба. У платформы были выстроены взводы лейбъ-гвардіи Московскаго, Егерскаго и Конно-Гренадерскаго полковъ. По прибытіи на площадь былъ прочитанъ приговоръ генералъ-аудиторіата. Священникъ произнесъ увѣщаніе и далъ подсудимымъ приложиться ко кресту. Началася обрядъ лишенія воинскаго званія. Палачъ сталъ ломать шпаги надъ головами осужденныхъ...

Первыми повели къ столбамъ Буташевича-Петрашевскаго, Момбелли и Спѣшнева. На нихъ стали надѣвать бѣлыя рубашки съ колпаками. Петрашевскій сорвалъ колпакъ, объявивъ, что не боится смотрѣть прямо въ глаза смерти. Послѣдовала команда: „къ заряду!“

Тутъ прискакалъ фельдъ-егеръ, скомандовали отбой, и была прочитана высочайшая конфирмація, по которой смертная казнь замѣнялась ссылкою въ каторжныя работы: Петрашевскому безъ срока, другимъ на 10—15 лѣтъ, третьимъ—арестантскими ротами, опредѣленіемъ въ рядовые и т. д.

Петрашевскаго было рѣшено отправить въ каторгу немедленно. Его стали заковывать, но мастеръ этого дѣла оказался неопытнымъ, дѣлалъ это медленно. Петрашевскій самъ заковалъ себѣ ноги и руки, попросивъ только предварительно обнять Момбелли и Спѣшнева, что ему было разрѣшено. Прямо съ плаца тройка повезла его въ Сибирь.

Въ 1856 г. по случаю манифеста петрашевцы были помилованы и возвращены въ Россію. Петрашевскому, Спѣшневу и Львову каторга была замѣнена поселеніемъ. Они жили въ Иркутскѣ, гдѣ пользовались расположеніемъ либеральничавшаго генералъ-губернатора Муравьева-Амурскаго. Они принимали

дѣятельное участіе въ изданіи газеты „Амуръ“ и бывали запросто у генералъ-губернатора. Спѣшневъ сталъ даже правителемъ его канцеляріи и вскорѣ получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Петербургъ, гдѣ былъ секретаремъ техническаго общества. Возвратился также на родину и Львовъ.

Участь Петрашевскаго была печальнѣе. За замѣтку, напечатанную въ „Амурѣ“, по поводу дуэли между двумя чиновниками канцеляріи генералъ-губернатора, онъ навлекъ на себя гнѣвъ сатрапа и былъ высланъ въ Минусинскъ. Тамъ онъ занимался составленіемъ прошеній жителямъ и, вообще, изученіемъ законовъ. Своими прошеніями онъ такъ раздражалъ мѣстное начальство, что оно ссылало его все дальше и дальше на сѣверъ, и даже нашло возможнымъ наказать его розгами...

Петрашевскій жилъ сначала въ Минусинскомъ уѣздѣ, а затѣмъ въ селѣ Бѣльскомъ, Енисейскаго уѣзда, въ самомъ глухомъ захолустіи, какое только можно себѣ представить, среди тайги. Туда врывались зимою волки, лѣтомъ къ самымъ хатамъ подходили медвѣди. Здѣсь, въ простой избѣ, совершенно одинокій, среди крестьянъ и инородцевъ, онъ скончался скоропостижно 7-го декабря 1866 г. По одной версіи Петрашевскій угорѣлъ, по другой былъ убитъ. Фактъ, что до 12-го февраля 1867 г. его тѣло пролежало въ „холодильникѣ“ въ ожиданіи медицинскаго вскрытія и только тогда было предано землѣ внѣ кладбища.

Спустя нѣсколько лѣтъ, „скитальцы съ западной страны“, ссыльные поляки, попавшіе въ Бѣльское, разыскали его одинокую могилу и поставили на ней высокій столбъ, какіе ставились въ Польшѣ на могилахъ послѣдователей Арія, такъ какъ покойный въ церковь не ходилъ, поповъ не любилъ и, по мнѣнію туземцевъ, „зналсѧ съ нечистымъ“.

VII - 15436

ИСТОЧНИКИ.

А. Тунъ. — „Исторія революціоннаго движенія въ Россіи" (Переводъ подъ ред. Л. Э. Шишко).

Б. Базилевскій (В. Богучарскій). — „Государственныя преступленія въ Россіи въ XII в." Т. I, Спб., 1906 г.

В. Арефьевъ. — „Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири" („Русская Старина"), 1902 г., январь.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) Корфа. („Русская Старина", 1906 г.).

К. С. Веселовскій. — „Воспоминанія о нѣкоторыхъ лицейскихъ товарищахъ" (Русская Старина" 1900 г. сентябрь).

Шильдеръ. — „Императоръ Николай I и его царствованіе".

П. Милюковъ. — „Очерки изъ исторіи русской культуры", Спб., 1905 г.

Семевскій. — „Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ" (сборникъ „На славномъ посту").

Е. В. Тарле. — „Самодержавіе Николая I и французское общественное мнѣніе" („Былое", 1906 г., №№ 9 и 10).

М. Лемке. — „Тайное общество братьевъ Критскихъ" („Былое", 1906, № 6).

4п

16584

Цѣна 10 коп.

2007051449